

БОЕВАЯ МАМА: РВЕННХ

Огненная звезда и магический меч Рёнговальда

СЕРГЕЙ САМАРОВ

Гиперборейская скрижаль

Сергей Самаров

**Огненная звезда и
магический меч Рёнгвальда**

«Автор»

2012

Самаров С. В.

Огненная звезда и магический меч Рёнгвальда / С. В. Самаров —
«Автор», 2012 — (Гиперборейская скрижаль)

Молодой скандинавский князь Ангар при поддержке отряда руссов намеревается взойти на пост правителя Норвегии. Кроме него на трон претендует и племенной вождь Торольф Одноглазый, которого поддерживает колдун Гунналуг. Молодой Ангар вызывает Торольфа Одноглазого на поединок и достает из ножен меч Рёнгвальда, который после поломки перековал и исправил кузнец-русс. Этот меч обладает магической силой и должен решить исход поединка...

© Самаров С. В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Самаров

Гиперборейская скрижаль: Огненная звезда и магический меч Рёнгвальда

Глава первая

– Связать пленника, – распорядился Овсень. – Сторожить хорошенько, глаз не спускать. А бежать попытается, петлю ему на шею и к рогам лося привязать. Пусть-ка за лосем вприпрыжку побегаёт. В доспехах, конечно, звону от него много будет, да ничего... Ладно... У кого конь самый быстрый? Гнать к Белуну! Что там случилось? Снимаемся все...

Лагерь засуетился. Спешно грузили на ладьи лошадей и лосей. Овсень и Большака отдавали распоряжения, подгоняя воев, хотя надобности тех подгонять не было. Просто сами сотники нервничали. Едва выйдя из серьезного боя, они не слишком рвались во второй, более серьезный, о чем предупреждали две стрелы. Тем более вои, расстреляв почти весь свой запас, не успели еще наготовить новых стрел, главное славянское оружие в этой чужой им земле, и потому были не способны на долгий дистанционный бой.

Только один юный конунг Ангар задумчиво стоял посреди всей этой суеты, скрестив на груди руки, и мрачно смотрел в воду фьорда. И даже, кажется, про меч свой забыл, в рукоятке которого до этого постоянно черпал свою силу и уверенность.

– Что ты, конунг?.. – остановился около него Овсень. – Не пора ль проснуться...

– Я готов сдать свой меч, чтобы не мешать тебе... – спокойно и печально сказал Ангар. – Только не пытайся обнажать его, иначе от этого же меча погибнешь... И не отдавай его норвежцам, а лучше кузнецу Даляте верни. Я не буду на тебя в обиде, потому что каждому собственные родные люди ближе чужеземных правителей или даже претендентов на правление, если говорить точнее. Тем более претендентов не слишком удачливых... Я готов, Овсень...

Сотник откровенно разозлился:

– У тебя слишком много лишнего времени, чтобы болтать ерунду? Забирайся в ладью... Огнеглаз уже ждет тебя у трапа...

– Ты хочешь сказать, что не будешь менять меня на своих? – осторожно спросил юноша, желающий знать намерения своего окружения.

Явные намерения всегда легче воспринять, чем предательство со стороны друзей и удар в спину. С явными намерениями можно смириться. А удар в спину всегда неожидан.

– Мы с тобой общее дело делаем, а колдун хочет нас разъединить. Не поддавайся на его лживое карканье. Не до того, чтобы выяснять отношения. Вон, уже посланный скачет... – услышал сотник стук копыт.

– Они скачут вдвоем, – сказал конунг, увидев, как из-за скал появился конь, несущий сразу двух всадников. – И Белуна забрал...

Овсень сам увидел и, не теряя времени, двинулся навстречу всадникам. Но конь, даже под двумя ездоками, скакал быстро, и сотнику не пришлось пределы временного лагеря покинуть.

– Что там? – сразу последовал естественный вопрос.

– Драккары... – торопливо объяснил Белун. – С полуденной стороны... Я насчитал двадцать один. Но позади еще плывут не меньше пяти. Только-только из-за скал вышли. Догонают. А что там дальше, вообще неизвестно. Могут и еще быть.

– Двадцать шесть драккаров! Это же целое войско! Откуда ж их столько взялось! – воскликнул Овсень, ударив металлической рукавицей себе в ладонь, такой же рукавицей покрытую. От удара шелестящий звон пошел. – Свеи со всех берегов сюда собрались?

– У нас единственная возможность удержаться – это занять пролив, – спокойно предложил оказавшийся здесь же сотник Большака. – Хотя не думаю, что мы сможем держаться долго...

– Или уйти по берегу, бросив лодки... – подсказал Живан. – Конунг говорил, что берегом пройти можно...

Конунг Ансар тоже подошел и слышал причину тревоги. Но проявил спокойствие и раздумывал с легкой блуждающей улыбкой, словно какую-то счастливую мысль просчитывал.

– Что скажешь, конунг? – спросил сотник Большака, и все взгляды были устремлены только на Ансара.

– Мне кажется, у нас нет особых причин для волнений.

– То есть? – не понял Овсень.

– Дом Синего Ворона в лучшие времена не мог набрать такую флотилию. У него по разным морям плавают шестнадцать драккаров. Шесть потеряно сегодня, хотя я не уверен, что это были драккары только Дома Синего Ворона. Скорее, часть из них – просто его союзники, и мне показалось, что в пылу боя команды звучали на норвежском языке. Значит, это были воины Торольфа Одноглазого. Может быть, как раз те, что сожгли ваш острог. Это значит, что у Гунналуга под рукой никого не было. А сейчас половину всех сил Дома старший ярл увел в набег на закат. Нет у них столько драккаров, и нет таких сил. И не могли они собрать их так быстро. Гунналуг послал против нас шесть драккаров – это все, что сумел наскрести, иначе он послал бы больше... Новые драккары плывут не к нам и не за нами, и потому, думаю, мы можем разойтись с ними мирно. У них своя большая забота.

– Тогда кто же это? – спросил Большака задумчиво, но и ответил сам себе: – Хотя, кажется, я тоже могу предположить...

– Ты правильно предполагаешь, сотник. Это те силы, которые я боялся настроить против себя, – сказал Ансар. – Но так удачно все сложилось, что они собрались и выступили против Дома Синего Ворона, и сделали это вовремя. Это плывут полные жажды мести сторонники ярла Свенельда из Дома Еталандов... Это мы нечаянно возбудили и подняли их...

– А кто возбудил и поднял вот это?.. – показал Овсень на небо.

Издали, с полуночной стороны сплошной черной стеной надвигались тяжелые тучи, и ветер уже рвал их края, растягивая в разные стороны. Казалось, все пространство между морем и тучами сокрыто мраком, потому что солнечный свет не имел достаточно сил, чтобы пробиться к воде через шторм.

– Похоже, и на этот вопрос я могу ответить, хотя вы все сами понимаете, это... – сказал конунг Ансар, – Гунналуг стремится себя обезопасить... Влияние на погоду – это самая сильная его сторона. Шторм накроет драккары в море... Хорошо, что рукотворные штормы не могут быть длительными. На длительный шторм надо иметь слишком много сил, а у Гунналуга их, как говорит наш друг Смеян, почти не осталось.

– И не самый длительный, кстати, может бед натворить. Значит, надо позвать драккары сюда, – громогласно провозгласил Большака. – Все-таки союзники и могут стодиться... Во фьорде переждать непогоду легче... Я пошлю за ними свою ладью... Белун, когда они подойдут к проливу?

– Скоро должны подойти. Ладья едва успеет.

– Ладья быстро бежит, если постарается...

– Надо звать... – согласился Овсень. – Только нашего пленного ярла к другим свеям не подпустите, заткните ему рот и засуньте под палубу моей ладьи. Он слышал наши разговоры. Пусть Добряна посторожит его, и, если попробует освободиться от кляпа, она перекусит ему горло...

Волкодлачка, готовая выполнить любую команду отца, тут же оказалась рядом. И посмотрела на пленника, которого уже повели к трапу. Пленник команду слышал и тоже посмотрел на

волкодлачку, но с тихим ужасом. Белые молодые зубы ярко сверкали на фоне красного языка. Ярл Этельверд не боялся погибнуть от меча, он не боялся утонуть в море, он не боялся принять мучения и пытки. Но бесславно погибнуть от клыков волчицы, не имея при этом ни малейшей возможности к сопротивлению, это было действительно страшно.

– А всем остальным времени не терять... Мало ли что у свеев на уме сейчас, и мало ли что потом взбредет... Лошадей и лосей разгрузить, ладьи на берег повыше, чтобы штормом не унесло, людям встать в боевой порядок. Если что, трудно будет, но, по крайней мере, не неожиданно...

Ладья Большаки без самого сотника, но получив инструкции, вышла к проливу.

– На всякий случай, – предупредил Овсень. – Стрельцы – в засаду по кустам. Первый час не показываетесь, но всех их ярлов держать под стрелой...

* * *

С полуночной стороны стремительно и грозно приближался шторм. Потому свейские драккары заходили в пролив стремительно, один за другим, и только на воде самого фьорда поднимали весла и снижали скорость, чтобы осмотреться. И не сразу направлялись к берегу, видя там четыре славянские ладьи, одна из которых только что пригласила их в это относительно тихое убежище. Ловушки они все же опасались, хотя при таком количестве драккаров эти опасения выглядели несколько странными. И подошли только после того, как пролив миновало десять драккаров. В основном это были небольшие лодки, только передовой был мощным боевым, сорокарумным, и Ансгару показалось, что он узнал драккар, который встретился им на Нево-реке, когда тот искал лодки ярла Свенельда. Впрочем, если драккар не вывешивает свои опознавательные знаки, то неопытный мореплаватель легко спутает один с другим, а Ансгару опыта мореплвателя пока явно не хватало, в отличие от того же сотника Большаки.

Ладьи русов стояли у самого удобного и самого близкого к проливу берега. Остановившись в кратковременном дрейфе в середине фьорда, свеи долго совещались, передавая, видимо, слова от одного борта к другому и дальше, одновременно дожидаясь, когда последние лодки минуют пролив, потом двинулись к полуденному берегу фьорда, где большие песчаные косы, намытые приливами, соседствовали со скалами, обнажающимися, кажется, только во время отлива. Решили, видимо, что встать в стороне будет надежнее. И это несмотря на свое значительное, просто подавляющее численное преимущество. Но флотилия, видимо, намеревалась сберечь силы для более важных дел, чем столкновение со славянами, которое ничего не могло им принести, кроме обязательных потерь.

И только один сорокарумный драккар направился в сторону ладей, но, естественно, не для стоянки, а для переговоров. Однако и в береговой песок он вошел в значительном удалении от лагеря русов и руян. На переговоры отправились Овсень, Ансгар и Большака, которого хоть кто-то на свейских лодках должен был знать. Естественно, за конунгом увязался и Огнеглаз. При этом сами славянские воины стояли на берегу сомкнутым строем, готовые к любому повороту событий, а стрельцы, как и приказал сотник, заняли позицию в засаде.

Переговорщики остановились в стороне, давая возможность свеям спуститься на берег. Спустилось тоже трое. Один из них, должно быть, был кормчий, поскольку не носил доспехов и при ходьбе раскачивался в стороны, словно под ногами у него была не устойчивая земля, а ненадежный кормовой помост. Второй был, наверное, простым воином, и взяли его с собой только из-за устрашающего вида. Ростом свей мог бы поспорить со Снорри Великаном, но был и в плечах необыкновенно широким, и живот тоже имел необхватный. Стоило удивиться, как такого выдерживает легкая и гибкая обшивка драккара. Третий же был, несомненно, ярл, и непростого происхождения, судя по доспехам тонкой выделки и золоченому шлему, да и манерой поведения, прямой своей фигурой и высокомерным взглядом он отличался от других.

– Я знаю этого ярла... – сказал Ансгар, кажется, даже обрадовавшись. – Он бывал в нашем доме несколько раз и поддерживал добрые отношения с отцом. Кьотви хорошо о нем отзывался. Его зовут Сигтюртг Золотые Уши, и он считается знаменитым в Швеции мореплавателем и воителем. Наверное, более известного воителя в Швеции и не сыскать...

– Тем спокойнее нам будет спать, – сказал Большака. – Советую спокойно выспаться и свейам, потому что уже завтра они высадутся в землях Дома Синего Ворона. А против колдуна воевать не всегда и не всем бывает приятно. Это мне наплевать, а им, может быть, и нет...

– Если бы не шторм, они могли бы высадиться уже сегодня ночью, – заметил юный конунг и сделал шаг вперед, одновременно приложив руку к груди.

Свеи остановились в трех шагах.

– Я рад встретить в эту трудную для нас обоих минуту старого и доброго друга моего отца, – сказал юноша и увидел, как поднялись в удивлении брови ярла Сигтюртга Золотые Уши.

Большака вполголоса переводил Овсеню разговор, который велся на свейском языке.

– Неужели я встретился с сыном конунга Кьотви? – воскликнул ярл, больше словами, чем голосом или выражением застывшего в какой-то строгой, но самодовольной маске лица показывая свою радость. – Вот уж, скажу сразу, приятная неожиданность, потому что мне уже многие рассказывали, как ты утонул после боя с каким-то драккаром Дома Синего Ворона. Но я рад видеть тебя живым и невредимым...

– Да, на реке, когда я забрал у кузнеца Даяты отцовский меч, символ своей власти, нам преградил путь большой драккар Дома Синего Ворона. Нам не оставалось ничего другого, кроме тарана. В результате прямо во время боя обе лодки пошли ко дну, а вместе с ними почти все воины. Меня вытащил из воды вот этот пес... – Ансгар погладил по большой голове Огнеглаза, стоящего у его ноги, и при этом конунгу не пришлось даже наклоняться, поскольку рост собаки позволял это. – Остальные все утонули, кроме кормчего Титмара и моего дяди ярла Фраварада, который уцепился за какой-то обломок лодки, и течение вынесло его в устье реки. Но о судьбе дяди я узнал только несколько часов назад. А сам дядя ничего о моей судьбе не знает и считает меня погибшим. Послезавтра трудный день, на послезавтра назначены выборы конунга, и дядя должен будет засвидетельствовать перед собранием бондов мою смерть...

– Да, я в курсе этих событий... – сказал ярл Сигтюртг Золотые Уши. – И даже знаю чуть больше. Я знаю имя человека, который хочет занять твоё место. И могу предположить, что в случае твоего возвращения он не захочет отказаться от своих планов. Но что за странная компания тебя, мой мальчик, сопровождает?

– Я тоже думаю, что Торольф Одноглазый не пожелает смириться. И потому нанял в подкрепление своим людям русов и руян. Они опытные воины и помогут мне справиться и с Одноглазым, и с поддерживающим его Домом Синего Ворона.

– С Домом Синего Ворона справиться помогу тебе я. А на твоём месте я бы не доверял славянам. Они народ ненадежный... Особенно вон тот, «большой сотник», за которым я сам целый год охотился. Но этот руянец баловень судьбы, он всегда оказывался где-то в другой стороне...

– Кто охотится за сотником Большакой, всегда его находит, ярл... – засмеялся руянец. – Тебе следовало просто прислать мне вызов в Аркону. Там я часто бываю, как тебе известно, да и свейские лодки там не в редкость, и я обязательно узнал бы о твоём стремлении. Но ты вызов не посылал и только всюду хвастался, что скоро меня потопишь. Я приплывал, а тебя уже не было. И только сейчас судьба свела нас вместе, но опять мы оба заняты делом и не можем выяснить отношения. Ты, насколько я понимаю, идешь «ловить ворон», а мне заплатил конунг Ансгар, чтобы я помог ему занять его естественное положение в его же стране. Служба есть служба. Но мы с тобой обязательно встретимся позже, если боги не рассудят иначе. Это уже сам «большой сотник» тебе обещает...

Неподвижное и невозмутимое лицо ярла наконец-то слегка пошевелилось и показало, что это не маска, а настоящее его лицо.

– Ты знаешь, куда и зачем мы плывем? – спросил ярл с подозрительным удивлением. – Хотелось бы мне понять, откуда... Мы не оповещали полуночную сторону...

Ансгар, лучше владеющий местной обстановкой, опять решил взять разговор в свои руки:

– Нас сегодня заперли в фьорде шесть драккаров Дома Синего Ворона. Там было шестьсот воинов. Я подозреваю, что Гунналуг отправил сюда почти все свои силы. Мы драккары сожгли и воинов перебили. Но были раненые, которые попали перед смертью в плен. И они нам рассказали кое-что о моем дяде ярле Фравараде и о судьбе ярла Свенельда. Гунналуг боится вашей флотилии и приготовил вам этот шторм.

Юноша показал в полуночную сторону, где уже половина неба была закрыта тучами.

– Ага... Так это проделки темнолицего колдуна... – сказал Сигтюртг Золотые Уши. – Ему и это зачтется... Но я сам немного колдун и собственными заклинаниями смогу отбить его атаки. И шторма его не боюсь, поскольку на своем веку штормов пережил немало...

– У нас тоже к нему личные счеты... – сказал сотник Овсень. – Переведи, Большака... Гунналуг вместе с Торольфом напал на Бьярмию и захватил в плен многих наших родных. Мы хотим отбить их...

– Это моя ограниченная плата за услуги русов, – добавил конунг. – Я разрешу им рассчитаться с ярлом, чтобы впредь ни у кого не возникало желания посягать на мой титул. Мы со славянами преследуем одну цель.

– Значит, мы союзники... – сделал вывод свейский ярл. – И даже «большого сотника» я, как это ни странно звучит, вынужден считать союзником. И мы можем спокойно провести ночь, не ожидая нападения друг от друга...

– Вполне... – согласился Ансгар.

– Я высадился на берег специально для того, чтобы услышать такие слова.

Большака сделал шаг вперед и показал рукой.

– Ваша флотилия выбрала плохой берег... Наш берег прикрыт скалами, а ваш свободен для ветра. Шторм, пройдя через фьорд, может зацепить вас... Может быть, лучше... У нас места на всех хватит. Я предложил бы вам поставить свои драккары рядом с нашими ладьями.

Шведский флотоводец словно не слышал «большого сотника» и ответил не ему.

– Ансгар, я слишком много плавал, чтобы бояться шторма... И даже, как сказал уже, готов защититься от проказ Гунналуга своими заклинаниями, – чуть высокомерно произнес ярл, приложил руку к груди и слегка склонил голову, вежливо показывая, что разговор закончен и он прощается.

Вместо лица у него была прежняя маска самодовольства.

То же самое движение повторил и юный конунг, но изображать маску он еще не научился. Славяне в знак прощания просто и без замысловатостей кивнули...

* * *

Сотник Овсень все же доверия к бесчестным, какими он их считал, скандинавам не испытывал и потому выставил по берегу скрытые посты, приказав постовым укрыться от приближающейся бури среди крупных камней, которые ветер не своротит. А сотник Большака, как опытный мореход, долго смотрел на небо, потом послал воев спешно отгаскивать ладьи поглубже на берег. Для этого даже пришлось бегом отправить группу в лес, чтобы срубили и принесли куски стволов, по которым можно было укатить ладьи как можно дальше от воды. Мачты снимать не стали, но фалы, которые держали реи, опустили и сами реи вместе с парусами укрыли под корпусом ладей. В дополнение, чтобы создать жесткость, пришлось прикатить побольше

крупных камней от ближайших скал и обложить борта, чтобы ладьи не перевернуло ветром уже на берегу.

– Гунналуг постарался, – с усмешкой оценил Большака работу колдуна. – Шторм получится всем на загляденье. Это будет, думаю, даже не шторм, а настоящий ураган. Интересно, что сможет сделать колдун Сигтюртг против колдуна Гунналуга? Хоть одним глазком посмотреть бы, как они соревнуются...

– Оставь право смотреть одним глазом Торольфу Одноглазому, – заметил Овсень. – А сам в два глаза смотри, как нам лучше укрепить ладьи...

– Мы добро их укрепили, – ответил Большака. – А вот соседи...

Из лагеря было хорошо видно, что swei такой заботой о драккарах пренебрегли, тем не менее выбрали свои меры, привычные для них, наверное, в большей степени – вывели свои драккары ближе к середине фьорда и положили мачты вместе с парусами в лодки. Swei предпочитали переждать шторм на воде, оставив на борту половину экипажа, чтобы маневрировать с веслами и избегать попадания под волну. Где-то в открытом море, далеко от берегов, тактика снятых мачт и парусов, наверное, была бы правильной, но сотник Большака, плавающий чаще всего в небольшом удалении от берега, считал, что здесь так вести себя опасно.

– Сигтюртг считается в Швеции лучшим мореплавателем, – вступился Ансар за человека, которого уважал. – И знает, наверное, что делает...

– Не одобряю действия великих мореплавателей... – проворчал Большака. – На тучи посмотри – куда бегут. А swei прямо по курсу ветра стоят. Нас за скалами лишь чуть-чуть заденет, а их начнет швырять и кувыркать со всей силы...

– Они сами свое выбрали, – сказал Овсень. – Если их лодки разобьет, пойдут пешком... Хаствит говорил, что здесь недалеко...

– Да, за день-полтора можно добраться... – согласился Ансар.

Тем временем шторм подступал вплотную, и его мощную силу уже можно было ощутить по поднывавшему ветру.

– Сколько живу на свете, такого еще не видел, – сказал Большака. – Туда смотрите... Горизонт на полуночь уже чист... Вот почему великие мореплаватели так спокойны... Считают, что весь шторм закончится первым шквалом, против которого можно бороться с помощью весел... Один порыв, против которого они начнут грести, и все кончится. Наверное, Сигтюртг прав, несмотря на свои «золотые уши». На такое сопротивление у гребцов может хватить сил. Они по небу понимают, что это будет только шквал, а не шторм...

Все повернулись к ветру лицом. В самом деле, недавно еще полностью затянутый тучами горизонт уже приобрел светлую полосу, и эта полоса постоянно расширялась. А само небо в ограниченном районе шторма, еще недавно грязно-пятнистое, было полностью черным и каким-то клубящимся, завихривающимся и невероятно густым. И небо это колобродило уже почти над головами мореплавателей, приближаясь к ним с ужасающей быстротой, навешивая над фьордом клочья рваных туч.

– Зажгите мне костер... – криком, чтобы за ветром его услышали, попросил Смеян. – Быстрее... Костер...

– Зачем? – не понял Овсень. – Сейчас шторм ударит. Костер сразу унесет...

– За ладьей зажгите... Там не сразу унесет... Камлать буду...

– В шторм?

– Рукотворный шторм. Гунналуг все силы в него вложил, он ведет его, в голове держит, и в этот момент открыт будет. Для меня открыт, для всех ведающих открыт... Его можно будет «запечь» без сил... Я сделаю его безопасным для нас... Я хочу попробовать... Тогда он уже никакую молнию не создаст, никакой дом поджечь не сможет. Самое время камлать... Я помню печати... Всеведа показывала, как делать... Костер только... Быстрее...

Не дожидаясь воинов, Овсень сам бросился складывать уже подготовленные дрова и хворост. Юный конунг подсунул под хворост бересту с сухой травой, и Большака тут же стал стучать над этой травой кремнем по кресалу, высекая искры. Руки у сотника оказались очень подходящими для такого дела, и костер вспыхнул быстро. Языки пламени заиграли неровно, но сразу старались захватить побольше питательных для себя сухих веток. Еще несколько мгновений прошло, и то ли небо совсем перед штормом почернело, то ли сам костер разгорелся ярче, а у того, кто в яркое пламя смотрит, вокруг все темным кажется.

Ансгар, поторапливая события, подсунул бересту еще в нескольких местах. И пламя пошло вширь. Костер сразу зачался костром, а не костерком. И тут же ударил бубен... Смеян, уже взведенный одним своим желанием, уже слегка потрясывающийся от ожидания, отстраненно глядя перед собой, начал свою пляску в задумчивости, но задумчивость с каждым ударом бубна и с каждым ритмичным шагом переходила в какое-то иное качество, отдаляя и отдаляя шамана от окружающего его мира и уводя в другой мир, обычным людям неведомый и таинственный...

Бубен гремел и гремел, и где-то в стороне, поддерживая его, раздались раскаты грома. Шторм шел вместе с грозой и уже начал швырять молнии...

* * *

Черный и мутный, шторм не шел, он летел...

И был он как раз таким, какой плохо переносят лодки, находясь на воде. Когда ветер бывает предельно сильным, но более равномерным или хотя бы равнонаправленным, бороться с ним еще можно, можно лавировать и по ветру, и против ветра, можно ловить задний скат волны, и на этом скате долго держаться, не опасаясь, что следующая волна тебя накроет. А этот налетал озверевшими ледяными порывами, рвал и отпускал, рвал и отпускал, но каждый раз налетал под разными углами, заворачиваясь, ощупывая со всех, казалось, сторон, выискивая слабое место, создавая вихри и водовороты и образуя такие волны, что оседлать их был бы не в состоянии самый опытный кормчий, потому что, оказавшись на скате такой волны, обязательно закрутишься и нырнешь носом или кормой под воду, и тогда уже ничто лодку не спасет, никакая сила и быстрота реакции гребцов не сможет развернуть ни драккар, ни ладью, и вообще никакое судно.

Шаман Смеян завершил свой танец в самом начале шторма и упал, обессиленный телом, но с высвободившимся из тела духом, ушедшим в другие, верхние миры, и потому, как думал сотник Овсень, не видел, что творилось вокруг. Дрожала обшивка вытасченных на берег ладей, пели мачты и ванты, разрезая налетающие порывы на лохмотья, каждый из которых заворачивался с новой силой.

– Прикройте Смеяна. Смотрите, чтобы на него ничего не свалилось, – приказал сотник. – Только тело не трогайте. Не шевелите его.

Трое воев встали между шаманом и лежащей на боку ладьей. Ладья защищала от всего, кроме закрученных порывов ветра, но этот ветер умудрился приподнять и унести, разметать во все стороны даже костер, превращая летящие искры и горящие еще уголья в молнии без грома, прочерчивающие воздух прямо над землей, как молнии настоящие прочерчивают небо. Причем скорость летящих углей была такая же, как у молнии, а разнонаправленность ветра бросала огоньки из стороны в сторону, создавая эффект настоящих угловатых линий молнии.

Смеян правильно выбрал себе место для камлания. Корпус ладьи, обложенной камнями, стонал и трещал под ветром, но не шевелился и прикрывал от шторма лежащего на земле шамана. А вокруг, по неприкрытым местам, чего только не несло... Целые кусты вырывало с корнем и тащило по камням и песку, переворачивало, подкидывало, бросало и тащило дальше. Грохоча при ударе о камни, прокатился чей-то оставленный на земле шлем. И вой не погнался

за ним, понимая, что это не просто бесполезно, но и опасно. И почти ночной непроглядный сумрак лег на землю. Но свет все же шел, и шел он как раз оттуда, откуда шторм пожаловал, с полуночной стороны. Вслед за черным массивом туч, казалось, двигалось, толкая тучи, ясное, хотя и не светлое, вечернее небо, очищенное даже от малейшего облачка, хотя представить себе, как небо движется, трудно. Но все облака в округе были согнаны в один массив, и ничего не осталось в запасе. Значит, потерпеть осталось недолго.

Гроза грохотала рядом, поливала ливнем фьорд, но на ладейщиков посылала только брызги, словно ливень шел единой целенаправленной полосой. Низкие приземленные молнии стремительно пронизывали небольшое пространство между тучами и водой. И даже то место берега, где совсем недавно стояли ладьи, пересекло сразу несколько молний. Не будь рюанский сотник Большака таким предусмотрительным, ладьи обязательно сожгло бы.

Овсень и сидящий с ним рядом под ладьей Ансар, прижимающий к себе Огнеглаза, пытались всмотреться в фьорд – что там на соседнем берегу творится? Но видно ничего не было, кроме бушующей стихии, тем более не было ничего слышно, кроме ветра, грома и треска молний. Сотник с конунгом друг друга-то слышать могли с трудом, но даже разговаривать старались меньше, потому что ветер, закручиваясь, и под борт ладьи залетал, и бил в лицо сильно, принося при этом и пыль, и грязь, и ошметки травы, и при разговоре рвал дыхание и забивался в грудь. И даже пес грозы и шторма боялся, прижимался к конунгу всем своим большим сильным телом и тихо то подскуливал, то подлаивал. Сомневаться не приходилось: swei с их глупым гордым упрямством посчитали себя слишком опытными мореплавателями. Слишком опытными для того, чтобы плавать, а плавать им, скорее всего, будет уже не на чем. Нет на свете лодки, которая удержалась бы в такой шторм на месте, и никакие весла не смогли бы спасти команду. Драккары наверняка выбросило на каменистый и скалистый берег, куда одна за другой били и били молнии. И вообще, шторм не против славянских ладей был нацелен. Гунналуг, кажется, умышленно берег их, хотя и трудно было догадаться, по какой такой причине. Но вот шведской флотилии, как колдун и мыслил, должно было достаться по полной программе.

Гунналуг старался...

Гунналуг много сил приложил, чтобы обезопасить себя и свой Дом. И собственное могущество демонстрировал наглядно...

* * *

Стало заметно светлее...

Безжалостный шторм уже почти прошел, и только остатки его пытались еще показать себя напоследок. А потом все стихло, и наступила разряженная тишина, хотя воздух на берегах фьорда стал наэлектризованным и насыщенным, каким-то тяжелым, но, несмотря на это, дышалось уже легко.

Не только сотники с Ансаром, все вои, казалось, поднялись и смотрели в сторону свейского берега фьорда. Шторм и там уже кончался, и там стремительно светлело небо, хотя по времени уже подступал вечер, но любой вечер и даже любая ночь, самая что ни на есть непроглядная, несли меньше мрака, чем недавний шторм.

Ветер прекратился совсем, словно все запасы сил для его движения были уже истрачены. На темной глади фьорда не было видно ни одного драккара, а на берегу, куда выбросило драккары, уже бегали и сустились люди, уцелевшие после такого «подарка» колдуна. Но издали они казались муравьями, и невозможно было понять, чем swei заняты, как невозможно понять человеку, чем занимаются муравьи в муравейнике.

– Надо бы к ним съездить, посмотреть, что творится... – сказал Ансар.

– Зачем? – не понял Овсень.

– Как это – зачем? Они же наши союзники. Мне хотелось бы знать, на что они теперь способны. Если Гунналуг полностью разбил их до битвы, нам придется одним против него выступать...

– Поезжай... Попроси у кого-нибудь коня... Скажи, я разрешил...

– А тебе не интересно? – удивился конунг.

– Мне было бы интересно, если бы шторм всю Швецию и всех свеев уничтожил, вместе с Гунналугом и со всеми ярлами-мореплавателями.

– И Норвегию?... – с грустным упреком спросил конунг.

Овсень посмотрел на него внимательно и ответил предельно честно:

– И против такого я возражать не стал бы. Нам бы на своей земле гораздо спокойнее жилось без таких падких на чужое соседей. И не только нам одним. Вся Европа по вам праздничную тризну устроит. Всех скандинавы уже достали своим диким геройством. Но сейчас меня больше Смеян волнует. Что он расскажет? И потому мне совсем не до участи глупых свеев, получивших только то, что они своим упрямством заслужили. Один знает, что дать им, как Сварог знает, что потребно нам... Каждому воздается по делам и заслугам... Поезжай...

Шаман как раз пошевелил одной рукой, потом второй. Медленно сжал и разжал несколько раз пальцы, словно возвращал им чувствительность, вернувшись духом в свое надолго оставленное без присмотра тело, и это возвращение было, как обычно, трудным, болезненным.

– Я тоже, пожалуй, шамана послушаю... – сказал Ангар, садясь на камень, где сидел прежде, и прижимая к ноге только-только успокоившегося после шторма Огнеглаза.

Смеян приходил в себя долго и уже даже замутненные и не все понимающие глаза открыл, неуклюже попытался сесть, сделал несколько неудачных попыток, но это у него никак не получалось. Тогда он просто прополз на четвереньках несколько шагов, и движение вернуло ему соответствие внутреннего и внешнего тела, совсем недавно полностью разделенных. Шаман знал из опыта, как вернуться в нормальную жизнь. И он вернулся, хотя это было трудно и, наверное, очень больно. И снова, после прогулки на четвереньках, стал садиться и со второй попытки все же сел, хотя взгляд его, как показалось Овсеню, по-прежнему был где-то в другом мире и возвращался позже всего остального.

– Кажется, нам это удалось... – сказал шаман хрипло, и в голосе его присутствовали одновременно и торжество, и обессиленность, и радость, и печаль, и еще много всего-всего, но все это перекрывало звучание счастья. – Но я едва-едва спасся... Где Извеча?

– Извеча! – громко позвал Овсень.

Никто не отозвался на зов.

– С ним ничего не случилось? – спросил Смеян.

– Извеча! – повторил зов сотник, и в установившейся после шторма почти неестественной тишине зычный голос его было слышно у всех четырех ладей.

Но опять никто не отозвался.

Подошел, услышав голос сотника, Велемир. Посмотрел вопросительно.

– Извечу кто видел?

– Был в лодке... – сказал десятник, тут же одной рукой ухватился за борт и легко запрыгнул в ладью, несмотря на тяжесть доспеха.

– Извеча где? – спросил уже там.

Из лодки никто не отозвался.

Овсень встал. Встал и Ангар, подошел, видя обеспокоенность товарищей, и сотник Большака. С трудом, но поднялся на ноги шаман.

– Ищите Извечу... Мешок его ищите... – потребовал Смеян. – Быстрее...

В негромком голосе шамана было сразу столько всего, что его словам подчинились. Забежали вокруг ладей вои. Все четыре ладьи перерыли. Но не нашли ни Извечу, ни его большого всем известного мешка, ни причального Хлюпа.

– Что с ними могло случиться? – спросил сам себя Овсень. – Куда они могли забиться? Я им специально запретил из лодки выходить, чтобы ветром не унесло. Смеян, почему ты про Извечу спросил?..

– Извечу беречь надо... – просто ответил шаман, не вдаваясь в подробности. – В нем спасение наше общее...

Лагерь успокоился не сразу, да и вообще он не успокоился, просто люди бегать перестали, убедившись, что это бесполезно. Домовушку с причальным найти так и не удалось ни в ладьях, ни в ближайших скалах, ни в округе. Не удалось найти и мешок Извечи, который тот никогда не оставлял надолго без пригляда.

Овсень сел, Ансгар сел, Большака с Велемиром сели, только шаман остался стоять с закрытыми глазами.

– И что все это значит? – спросил Овсень.

– Где Всеведа держала свою книгу? – наконец, спросил Смеян, но теперь голос его был совсем другим и тонко позванивал, словно грозился оборваться. – Там, в остроге, в сгоревшем доме. Где держала?

– На полке, где-то за печкой... – ответил сотник. – Да разве я знаю... Вроде бы там где-то... Откуда-то оттуда доставала...

– А Извеча где жил?

– За печкой... Иногда под печкой...

– Рядом с книгой? – спросил шаман.

– Может быть, не знаю я... Но Всеведа смеялась, что Извеча любит ее книгу листать...

Будто бы читать умел...

– А он не умел?

– Я не умел, а он и подавно...

– Гунналуг считает, что книга Всеведы не сгорела. Что она у Извечи... Мог он ее от пожара спасти? Что-то же он спас, если мешок с собой таскал... И книга должна быть там... Вот почему Гунналуг требовал себе Извечу с мешком...

– А Хлюп? – спросил Ансгар. – А причальный ему зачем?

– Ничего про причального не знаю... – признался шаман.

– А не могло и того и другого просто штормом унести? – предположил Большака. – Они же легкие... Меня с моей бочкой, – он похлопал себя по животу, – чуть не унесло. Повалило бы на бок, точно укатило бы, как бочку. Еле на ногах устоял. Но во мне тяжесть от меда. А в них...

– Они оба в ладье сидели, – рассказал Велемир. – Сначала в нашей. Там Добряна пленника стережет, глаз с него не спускает. Видимо, Извече соседство пленника не понравилось. Тот ему напоминал про сгоревший дом, как он еще до шторма говорил. Потому не хотел на свеев смотреть из-за того же. И он ушел вместе с мешком. Хотел в другую ладью пересесть. А Хлюп за ним, чтобы было с кем поговорить в шторм и страх отогнать. Перебрались, кажется, в соседнюю ладью. Там кормчий в трюме был, видел их, видел, как устраивались. Потом кормчий вышел. Шторм уже стихал. Больше нелюдей никто не видел...

– Теперь пленник уже не так и нужен. Пусть Добряна оставит его... – распорядился Овсень.

Волкодлачка слышала все это через борт лодки и тут же выскочила на песок, обежала вокруг костра, лизнула в руку Смеяна и в щеку отца и убежала куда-то в сторону.

– Воронов кто-то видел? – спросил шаман. – Прилетали?

– Какие вороны в такой ветер... – усмехнулся Ансгар. – Ветром всех птиц унесло бы...

– Гунналуг посылал за штормом воронов... Он сначала хотел, я думаю, и наши ладьи штормом уничтожить, но мы их на берег подняли. А по берегу он своих воронов пустил за Извечиным мешком. Я только боюсь, что Извеча мешок отдавать не хотел, и вороны могли заклевать его. Вороны... Стальные клювы, стальные когти... В каждой вороне капля крови Гунналуга.

– А Хлюп? – снова спросил Ансар.

– Ничего про Хлюпа не знаю... Я же сказал. К нему нитей не тянулось. Гунналуг им не интересовался. Только Извечей и его мешком.

Шаман замолчал, сел на землю, скрестив ноги, и смотрел перед собой. И мелко дрожал, словно вокруг был лютый холод.

– Костер разведите... – потребовал сотник сурово, и сразу несколько воев принялись за устройство костра.

Вокруг быстро темнело, хотя полная темнота в полуночных широтах летом не наступает никогда, и день сменяется только сумраком, гораздо более светлым, чем шторм.

– Ты нам что-то расскажешь? – первым не выдержал общего молчания сотник Большака.

Огонь только что запылал, шаман протянул к нему руки и сунул их почти в пламя, но при этом не обжегся и, кажется, даже жара не ощутил.

– Я думал, что все будет хорошо... Мы все хорошо сделали...

– Кто – вы? – спросил Ансар.

– Я со Всеведой и Заряной. Мы думали, все хорошо, а оказалось, все совсем плохо. Если книга попала в руки Гунналуга, мы все пропали, и победить его невозможно.

– Да что это за книга такая! – не поверил юный конунг. – Что может сделать какая-то книга!..

– Это не какая-то книга, это скрижаль с нашей общей древней прародине. Страны полуночного края, которую все звали заветренной страной¹, потому что ветра отделяли ее от всего остального мира, ветра, через которые не все могли пройти... А наши предки звали свою страну землей Туле. Ветра зарождались в нашей земле и оттуда расходились по всему остальному миру во все стороны... Это была страна мудрецов и ведунов, ученых людей и мастеров... И мудрость свою они доверяли книгам, большинство из которых пропало, когда земля ушла под воду. А часть люди разнесли по земле. Разнесли семь главных книг магии. Шесть первых книг, Гунналуг зовет их скрижалями, у колдуна, последняя, самая важная и самая главная, была у Всеведы. А теперь, боюсь, она попала в руки к безудержному злу. И это страшно, потому что книга делает зло всемогущим, она делает его правителем мира. Злым и жестоким правителем. Лучше бы книга сгорела, чем попасть в руки Гунналуга.

– Рассказывай все по порядку, – потребовал Большака. – Может, и с колдунами справимся. Свентовит поможет нам...

– С такими колдунами справиться сложно, – с сомнением сказал Ансар. – Ты видел, какой шторм он послал. И оружие его не берет... Гунналуг может взглядом мечи ломать, как сломал меч моего отца. И стрелы он отражает. А если он приобретет еще какие-то важные знания, мы все пропали.

– Я же говорил тебе, что на любого колдуна у меня есть свое оружие. Испробованное, кстати. И пусть колдуны меня боятся, а не я их. – Большака говорил твердо и уверенно. – Только бы подобраться к нему на перестрел, а потом стрельца Велемира попросить о маленькой услуге. А что шторм? И его избежать смогли, и другого избежим. Нос на грудь не накладывать! Мне один колдун долго угрожал. Я его кулаком убил. Прямо в лоб кольчужной рукавицей. И все его колдовство кончилось. И помимо рукавицы кое-что у меня имеется. Не к каждому

---

¹ *Заветренная страна* – Гиперборея.

же колдуну на удар кулака подойти можно. Вот на перестрел бы подобраться... Рассказывай, шаман!

– Я из верхнего мира ухватился за мысль шторма и прошел по ней, как по прямой тропе. Гунналуг стремился мысль прямую делать, чтобы помех меньше было. Так нашел самого Гунналуга в черной каменной башне в двухстах полетах стрелецкой стрелы² от Дома Синего Ворона. Там, в глубоком подвале, он держит Всеведу с Заряной. Теперь он обеих накрыл волшебной сетью, и их из этого мира увидеть невозможно, и меч плавится, если эту сеть рубить. Но я через другой мир приходил и потому увидел и нашел их. Они помощи ждут и сами помочь готовы. Они с Гунналугом по мере сил борются, а он не знает... Под верхней сетью на Всеведе есть другая сеть, которая заговоры почти не пропускает. Но внутренняя сеть Заряну не накрывает. И Всеведа учит ее всему, что сама знает. Спешно учит, торопится. Заряна устает, но учиться продолжает. И девочка уже многое может. И когда Гунналуг начинает колдовать, они запекают его потерю силы. Печать ставят. И сила к нему не возвращается. Когда он шторм творил, он много сил истратил. Очень много сил. Я даже не думал, что у него есть еще столько. Но он их истратил. Еще много истратил, когда воронов собирал и посылал их за мешком Извечи. Ему приходилось воронов мыслью сопровождать. Наверное, от этого устаешь. Всеведа Заряну научила, и та запечатала потерю силы. И я сверху еще одну печать наложил. Это трудно было. Его комната много защит имеет. Но мы печати поставили и запекли. Раньше, когда сил было больше, Гунналуг сумел во внутреннем мире все нити просмотреть, что его связывают с Куделькиным острогом, и все нити проверить, что из Куделькиного острога расходятся. И на это тоже много сил ушло. А Всеведа с Заряной запекли и ту потерю. Не знаю только, как Всеведа читала нити через нижнюю сеть, но она читала... Но по этим нитям колдун Извечу все-таки нашел и понял, как у того может оказаться книга. Извеча очень о своем мешке беспокоился. Это и подсказало Гунналугу, что книга там, хотя сначала он даже думал, что Извеча колдун и это он его ослабляет издалека. Сначала на меня думал, потом на Извечу. Потому по той же нити обратный сглаз направил. Это еще раньше, когда мы на Ладогеморе были. Тогда я Извечу и защитил. А сейчас вот не смог. Гунналуг послал вместе со штормом специально для этого созданных воронов со стальными клювами и стальными когтями. Они должны были найти Извечу и принести его колдуну вместе с мешком или даже один мешок. Чтобы воронам было легче, он шторм мимо нас направил, прямо на свеев, что до него добраться мечтают. А вороны по краю шторма летели, и Гунналуг им стену держал, чтобы ветром крылья не поотрывало...

– А я вроде бы слышал сквозь ветер карканье... – вспомнил вдруг Велемир. – Встать бы да посмотреть... Да в такую погоду и стрелу не пошлешь...

– Но отбить Извечу было бы можно... – заметил Овсень. – Мы слушаем тебя, Смеян.

– Я в башне Гунналуга мышью обратился и со Всеведой повидался. Она меня узнала. И мы вместе заговоры читали, запекали потерю силы колдуном. Всеведа мне все и рассказала. Но она тоже не понимает, почему силы Гунналуга не иссякают. Кажется, совсем уже без сил остался, а потом силы снова появляются. Мы старые печати проверяли, они на месте. И изнутри Гунналуг подпитываться не может. Может только внешнюю подпитку получать. Всеведа говорит, что, скорее всего, он человеческим страхом подпитывается. Это сильная подпитка, которая внутрь не проходит, но внешнюю силу дает. Но у этой подпитки одна слабость. Как только появятся люди, которые колдуна не боятся, вся его внешняя сила пропадет. Если только он седьмую скрижаль, книгу Всеведы, не добудет. Если добудет, он все печати увидит и легко снимет, одним заговором. И получит подпитку внутреннюю. Тогда все свои силы восстановит и только сильнее станет... Он уже непобедимым станет. Почти непобедимым...

---

² Двести полетов стрелецкой стрелы – около сорока пяти километров.

– Что такое «почти»? – не понял Большака. – Почти победил это, значит, не победил. А почти непобедимый – это мне непонятно.

– Есть старое поверье, – вяло объяснил шаман. – Что откуда-то появится новый колдун, который победит всех остальных, кто ему не подчинится. Это тоже из седьмой скрижали... Всеведа мне читала... Этот колдун сначала будет добрым, но будет вбирать в себя все зло, которое он победит, потому что иначе зло не победить, и сам потом в чудовище превратится.

– Чудовищ нам только и не хватает, – вздохнул «большой сотник». – А когда это будет?

– Этого никто не знает. В книге много примет приведено. Я все не помню. Надо Всеведу спрашивать.

– А кончится чем? Так все и будем жить под властью колдуна?

– Нет. Его власть короткой будет. Но, помню, в книге говорится, что колдуна можно до власти не допустить.

– Так там что, просто гадают: будет – не будет?

– Никто не может точно сказать, что будет. Все от поведения людей зависит.

– Как там Всеведа? – спросил сотник главное, что его волновало.

– Она ждет тебя, Овсень. И надеется, что Гунналуг сил совсем лишился. После того как шторм послал, он сам замерз. Дрова в очаге лежали, он хотел, как всегда, зажечь их взглядом, но не сумел. Не хватило сил. Я сам видел. А теперь...

– А что теперь? – спросил Ансгар.

– Как только книга попадет к нему в руки, он все печати расплавит и снова силу обретет. И не только свою, он сразу обретет силу тех, кто печати накладывал, и мою, и Всеведы. И научится всегда силы восстанавливать. И вообще многому тому научится, что никак нельзя было в злые руки отдавать...

– Мы пропали... – прошептал конунг.

– Нелюди! – раздался вдруг крик со стороны. – Добряна нелюдей ведет... По следу нашла...

Все встали.

К костру со стороны скал шел Хлюп, в одной руке тащил за крыло убитого ворона, второй рукой придерживал шатающегося и плачущего Извечу. Чуть в стороне от них шла, посматривая по сторонам, словно охраняя, волкодлачка.

Но обычного и такого уже привычного всем мешка за плечами Извечи не было...

* * *

Нелюдей встречали стоя, с уважением и вниманием, придерживая под руки, подвели и усадили у костра. Лицо и голова маленького домовушки были залиты кровью, кровь запеклась и в бороде, и на порванной в нескольких местах длинной рубахе, вышитой когда-то руками Добряны и Заряны. Слезы размером больше гороха скатывались из глаз на усы и бороду и долго держались там, светясь, словно жемчужины.

Убитого ворона Хлюп, приподняв с натугой, бросил к ногам сотника Овсеня. При свете костра вороновы перья отдавали откровенной густой синевой. Сюда же, к отцовским ногам, улеглась и Добряна, потягивая носом запах птицы и запоминая его, чтобы уловить в нужный момент.

Сотник потрогал пальцами клюв и когти ворона. За клюв и голову приподнял, тоже пальцем потрогал.

– Клюв и когти стальные... Кованые... Гунналуг свое дело знает... Таких тварей создал... А голова обычная. И крылья обычные. Только с синевой.

– Такие же твари охраняют его башню, – сказал шаман, – и едва-едва не поймали меня, когда я мышью выходил оттуда. Мне пришлось срочно ястребом оборотиться и немного

подражаться, но со стальными клювами драться тяжело. А ястребу улететь от воронов трудно. Тогда я прямо в небе оборотился соколом. Сокола ни один ворон не догонит³. И только так спасся... Но у сокола характер тоже боевой. И двум воронам, самым настырным, что увязались в преследование, сокол головы расклевал.

– А меня, дядюшка Овсень, они унести хотели, – пожаловался Извеча. – Вдвоем схватили, когтями в плечи и в рубаху вцепились и понесли... А два других мешок мой.

И снова горько заплакал.

– Не плачь, малыш, – погладил его сотник по голове. – Теперь уже все позади. Ты спасся.

– Только никогда уже у меня не будет своего дома. Я не плакал, когда у меня в мешке дощечка от дома была. Я думал, будет дом, построит его дядюшка Овсень, я дощечку вставлю, значит, дом моим станет. А теперь нет дощечки. И никогда у меня не будет своего дома.

– Вот, нашел о чем плакать, – сказал Велемир. – От твоего дома много недогоревших бревен осталось. Вернемся, новую дощечку выстрогаешь и принесешь в дом к дядюшке Овсеню. Вот и все.

– А так нечто можно? – оживился нелюдь.

– Конечно, можно, Извеча... – успокоил его Овсень. – И не стоит плакать. Как ты спасся?

– Я тяжелый... – сказал малыш-домовушка. – Вороны не могли меня высоко поднять. И по земле волокли. Еще ветер им мешал, а мне помогал. Они в ветер на крылья хромать начинают. И потому не смогли поднять. А за нами Хлюп побежал. Проснулся, увидел и побежал. Хлюп храбрый. У него меч есть. Он долго бежал, пока не догнал. И он одного ворона убил, а второй улетел раненый. Сильно на крыло хромал. Это Хлюп его своим мечом рубанул так, что перья полетели...

Овсень бросил убитого ворона в костер. Костер на мгновение замер, словно без движения, потом вдруг вспыхнул ярким синим пламенем, но через несколько мгновений снова затрепетал красными языками. С вороном произошло то же самое, что и со страшной неизвестной рыбой на берегу Ловати, и с другими вестниками Гунналуга, брошенными в костер.

– Хлюп у нас молодец, – сказал сотник. – Не зря ему кто-то меч подарил.

– Это Велемир. – Нелюдь с благодарностью глянул на стрелецкого десятника и потрогал рукой свой большой нож, ставший вдруг настоящим мечом, оружием, уже опробованным в бою.

– А что у тебя в мешке было? – спросил Смеян домовушку.

– Все мои богатства, все, что за жизнь накопил и под печкой хранил... Камушки всякие, корешки странные, на разные фигуры похожие, игрушки Добряны и Заряны, которые они мне отдавали, миска с кружкой глиняные, и вторая миска, деревянная. Я сам ее вырезал. Думал, когда домовушку себе заведу, деревянную миску ей подарю. Закончить только не успел. Как пожар начался, я все в мешок быстро-быстро побросал и засунул поглубже, чтобы огонь не достал...

– А книга? – спросил Овсень.

– Какая? – переспросил домовушка. – Книга тетушки Всеведы?

– Та самая...

Извеча долго думал и даже лоб потер пальцами, разглаживая собравшиеся морщины. И невольно потревожил рану, нанесенную, наверное, стальными когтями ворона. Из раны пошла кровь, стекла на нос и зависла каплей на самом кончике, но домовушка в задумчивости не заметил этого. Но заметила Добряна и слизнула кровь со лба и с носа. Слюна волков, как и собак, лечебная, рану закрыла, и кровь сразу перестала сочиться.

– Я не помню... – медленно стал говорить Извеча. – Дощечка из дома там была. С самого верха лежала... Я ее последней добавил, когда уже все кончилось. А книга... Я всегда ее смот-

---

³ По данным орнитологов, скорость полета некоторых видов сокола достигает двухсот километров в час.

рел... Каждый день, много лет... Мне тетушка Всеведа разрешала, потому что я читать не умею, и только смотреть мне нравилось. Но я всю ее помню. Я каждую страничку помню, каждый знак. Все по трем линиям. Может быть, и книгу в мешок смахнул. Но я не помню. С полки, кажется, я ничего не брал. Я в пожар испугался сильно, и все, что под руку попадало, смахивал в мешок, чтобы спасти. Даже не смотрел, что смахиваю. Но это внизу, под печкой. А книга выше была. Она всегда на полке стояла. Книгу... Кажется, я опять перед пожаром ее смотрел... А может, и не смотрел. Не помню... Только саму книгу помню. Каждый знак помню. А вот... В мешок... Не помню...

– И что, значит, мы имеем? – сказал мыслящий здраво сотник Большака. – Мы имеем перед собой факт, что у нас нет в запасе меда, чтобы глотку смочить, и больше ничего... А вот досталась книга Гунналугу или не досталась, этого мы знать не можем... А если не можем знать, то с какой стати мы должны бояться этого колдуна! Я не боюсь и вам не советую! И вообще... Смеян сказал умную вещь, на которую вы внимания не обратили. Если мы перестанем бояться Гунналуга, он нас бояться начнет. Так и должно все быть...

– Хаствит идет... – сказал вдруг Хлюп, издали чувствуя чужие мысли.

– И не один... – добавил Извеча.

– И вообще, – продолжил Большака, – где бы в здешних местах хмельным медом разжиться? Хотя бы небольшой бочоночек мне не помешал бы...

– Где Хаствит?

Овсень с Ансаром встали одновременно...

* * *

Первой побежала встречать дварфа Хаствита, как только его и стоило называть на родной ему земле, Добряна. Чем сильно смутила спутника кузнеца, очень на него похожего и фигурой, и лицом, и даже бородой. Разве что у Хаствита борода была тщательно расчесана, и даже кованый гребень, подарок кузнеца Даляты, торчал в ней, как украшение, а у спутника борода никогда, похоже, с гребнем не знакомилась. Как и сам второй дварф с волкодлаками.

Но с волкодлачкой познакомиться пришлось, и проблем это не принесло. Они на ходу оценили друг друга и отнеслись друг к другу без враждебности, хотя и не пытались друг друга приветственно облизать, как Добряна облизала Хаствита.

Дварфы подошли к костру, где все, кроме сотника Большака, встретили их стоя.

– Здравия и благополучия всем, – сказал новый дварф на вполне сносном славянском языке.

Овсень сразу обратил внимание, что на втором гноме под плотной суконной рубахой надета тонкая кольчуга, а на спине за плечом пристегнут короткий, но очень широкий меч. Это не помешало вежливо ответить на приветствие:

– Здравствуй будь, добрый нелюдь, и ты, Хаствит, здравствуй будь, хотя мы расстались с тобой совсем недавно и намеревались встретиться, если мне память не изменяет, только послезавтра. Наверное, полагаю я, обстоятельства изменились. Но я все равно рад тебя видеть, тем более в твое отсутствие произошли события, которые заставляют и нас задуматься над дальнейшими планами. Кого привел к нам наш добрый друг?

– Меня зовут Истлейв, я младший брат Хаствита, – представился дварф.

– Ты хорошо говоришь по-славянски, – заметил Большака. – Наверное, любишь славянский хмельной мед...

– Я два года искал следы Хаствита в славянских землях, жил в Славене, но несколько раз бывал и в Русе, однако до городища Огненной Собаки не додумался добраться, хотя это совсем рядом. Но в ваших землях слишком много городов, и там трудно искать человека. А

мед я пробовал, и мне не понравилось, потому что я после него перестаю быть дварфом, а становлюсь непонятно чем...

– Я слышал, – согласился Большака, – что головы на мед у дварфов слабые. И не надо, значит, потреблять. Но запас для гостей иметь следует. Для таких, например, как я.

Хаствит что-то промышчал и сделал сердитый знак рукой. Истлейв посмотрел на него и кивнул, соглашаясь.

– Брат говорит, что мы спешили сюда по делу, а о вежливых и невежливых пустяках можно будет разговаривать позже, и даже по дороге...

Дварфы прекрасно понимали друг друга и без слов, а слова им нужны были только для того, чтобы общаться с людьми, не умеющими читать их мысли.

– Хаствит пришел звать нас в дорогу? – поинтересовался Овсень и переглянулся с Ансгаром. – И далеко ли нам предстоит отклониться от нашего маршрута? Я понимаю, что у вас могут быть неотложные дела, в которых, нетрудно догадаться, вам нужна наша помощь, но все же у нас время тоже ограничено, и Хаствит это знает.

– Вам предстоит продолжать маршрут, потому что нам, как и вам, необходимо как можно быстрее попасть к Дому Конунга.

– Это уже интересно... – Юный конунг, казалось, был готов взять себе в попутчики дварфов. По крайней мере, очень заинтересовался тем, что может подземным кузнецам в окрестностях его усадьбы понадобится. – А что вас там волнует?

– Нас, конунг, интересует судьба двадцати дварфов, которых заставили делать подкоп под твой дом. Только сегодня нам удалось узнать, что всех их могут убить, когда они закончат работу, чтобы никто не проведал о подкопе ни сейчас, ни позже, потому что это бросило бы тень на людей, которые дорожат своим именем. Это вопрос, наверное, еще не решенный окончательно, но, когда он решится, будет поздно что-то предпринимать. Мы слишком маленький народец, чтобы допустить гибель двадцати своих собратьев. Для нас гибель одного уже большое горе и потеря невозполнимая.

– И кто же заставил дварфов делать этот подкоп? – спросил Ансгар.

– Ярл Торольф Одноглазый. Заставил силой и обманом...

– Так я и думал... – улыбнулся юный конунг слегка хищно и даже глаза сузил. – Но Торольф не знает одного, что наш дом, хотя внешне и стоит на земле, на самом деле выстроен на скалах, и подкоп сделать невозможно.

Дварфы дружно улыбнулись в ответ на такую наивность.

– Вот потому Торольф, который сначала послал копать своих воев, бросил это дело и по совету колдуна Гунналуга хитростью заманил туда двадцать дварфов. Дварфы могут делать проходы и в каменных скалах, и в каменных стенах, и под каменными стенами, и вообще везде, даже в песке, если запечь его со всех сторон волшебным словом. Тебе, конунг, это следует знать на будущее, поскольку в твоей стране тоже есть дварфы... Мы надежный народец и всегда помогаем тем, кто помогает нам. И сами боги, когда создавали дварфов, запретили нам обманывать, как и всем другим нелюдям...

– Это как? – не понял Большака. – В приказном порядке запретили?

– Боги сделали так, что мы умеем слышать мысли друг друга и других нелюдей. А если твои мысли слышат, как обманешь? В этом великая правда богов. Если бы люди умели так же, людям жилось бы намного лучше. Они были бы честными, как нелюди. А у нашего народа это вошло в привычку. И мы просто не учимся обманывать и потому не можем, даже когда общаемся с людьми. Положись на нас, конунг.

Ансгар задумался и посмотрел на Овсенья, потом на Большаку.

– У нас опять новые союзники. Надо плыть, – решил Большака. – Когда закончат подкоп?

– Завтра к обеду работы должны быть выполнены, – объяснил Истлейв. – Останется только одна тонкая стена, через которую, когда ее проломают ударом плеча, воины Одноглазого

ворвутся в Дом Конунга, чтобы там всех перебить. Мы боимся, что все потом свалят на дварфов, чтобы и в Норвегии люди начали их уничтожать, как было в полуденной Швеции, где дварфов больше нет.

– И как они думают это сделать? – поинтересовался Ансар, пошевеливая левой рукой рукоятку меча, что говорило, как уже заметил Овсень, о его гневе. – Как они свалят на дварфов свое черное дело?

– Это придумал, кажется, ярл Торольф Одноглазый. Когда дварфы закончат работу, их убьют, а тела потом забросят в Дом Конунга, чтобы выглядело все так, будто их убила стража. Гунналуг нас не пожалел, он просто говорил, что слишком много с этим возни, но Торольф настаивал. Точно мы не знаем, но Одноглазый, кажется, собирается так сделать. И даже, может быть, придумал большее. Хотя, есть мнение, что ярл так грубо шутил, потому что это слишком жестоко даже для него. Он предложил разграбить Дом Конунга, а в дом вместе с мужьями подбросить тела жен и детей копателей, словно и они тоже принимали участие в грабеже.

– А вы откуда такие подробности знаете? – поинтересовался Большака.

– Нам проще, чем вам, узнавать новости. Нам проще общаться друг с другом. Мы можем постоять на поверхности и услышать, что говорят наши братья под землей, и сами можем передать им привет. А можем под землей пробраться под любой дом и услышать все, что там люди говорят. Если люди сидят на высоком этаже башни, мы можем сделать проход в стенах...

– Это да, почти все нелюди такие, – согласился причальный Хлюп. – Я вот все под водой слышу, дварфы под землей...

– Конечно, мы берем вас с собой, – дал категоричное согласие Ансар. – И даже поторопимся с выступлением... Скоро ночь, а мы планировали к утру быть в моем фьорде.

– Значит, пора спускать лодки на воду. – Большака встал и хотел было отдать команду, но повернулся в сторону свейского берега, откуда шел равномерный, постоянный и несмолкающий шелестящий шум. – Но, сдаётся мне, кто-то желает нам помешать раньше, чем мы успеем погрузиться и отплыть. Сюда, кажется, свеи идут. И именно для того, чтобы нам помешать, сдаётся мне. Они любят мешать добрым делам.

И потрогал рукой свой меч, словно бы поправил его на поясе. Но в этом движении было не столько желания поправить, сколько показать, что меч готов к работе. А какая работа бывает у меча, никому объяснять не нужно. «Большой сотник» был настроен на бой и, видимо, имел к тому какие-то основания. Скорее всего, понимал ситуацию лучше, чем другие. И предвидел угрозу, которая мерно приближалась.

Как опытный вой, Большака сразу понял, что за странный шум он слышит. Такой характерный шелестяще-лязгающий звук могут издавать только доспехи воинов, вышедших в поход. Кольца кольчуги, когда трутся одно о другое, звучат не громко. Но когда воинов много и кольчуг много, а в каждой кольчуге множество колец, много шумов сливаются в один единый, и тому, кто его уже слышал, звук этот трудно спутать с чем-то другим.

– Есть еще одна сложность... – сказал Истлейв, продолжая прерванный разговор. – Нас, дварфов, ровно сотня. Хаствит сто первый... Это все дварфы-мужчины, что остались в наших краях. Есть еще те двадцать. Последние. И мы не можем их терять. Сто двадцать один дварф – мы должны друг друга защищать и беречь. Мы собирались выступить пешком, когда пришел Хаствит и позвал нас к вам... Поместится сотня на ваших лодках?

– И где твоя сотня? – спросил Овсень.

– Отдыхает за пригорком.

– Так зови ее быстрее сюда... Здесь, похоже, сейчас будет жарко...

– Они уже идут... Они услышали наш разговор...

Ансар сделал шаг вперед и прислушался к шуму, идущему с берега.

– Чем, Большака, тебе мешают шведы? – не понял конунг.

– Я думаю, что у великого колдуна ярла Сигтюртта Золотые Уши не осталось ни одного драккара, и он желает воспользоваться нашими ладьями, чтобы добраться туда, куда намеревался добраться, чтобы благополучно погибнуть вместе со всеми своими людьми. Твой знаменитый мореплаватель совершенно бездарно боролся со штормом, а теперь, по старой своей дикарской привычке, хочет выкрутиться из ситуации за чужой счет. А потом Гунналуг уничтожит его и всех, кто отправился в поход с таким бездарным предводителем. А он еще говорит, что год за мной охотился... Он год от меня бегал и только говорил, что охотится...

Ансгар в задумчивости отрицательно покачал головой.

– Я не думаю, что ярл Сигтюртт решится предъявить такие требования мне, – сказал конунг. – Все-таки я не простой ярл, а конунг, и этикет требуется соблюдать. Скорее всего, шведы пешим строем двинулись в земли Дома Синего Ворона. Но они уже рядом. Сейчас все выяснится. Если через сто шагов они будут еще приближаться к нам, значит, они идут сюда. Если свернут направо, значит, они пошли в пеший поход.

– Тихо, без суеты – к оружию... – отдал приказ Овсень, не сомневающийся в правоте «большого сотника». – Я предпочитаю никогда не верить свьям... Они не дварфы и честностью не блещут. Они же обещали спать нынешней ночью и уже нарушили свое обещание... И сюда идут явно не с добром... Большака, выставляя своих людей со стороны фьорда, мои пусть встанут со стороны земли. Живан с двадцатью воями у нас за спиной, в двадцати шагах... Истлейв, если свеи попытаются забрать наши ладьи, мы не сможем вовремя добраться до места. Будете драться на нашей стороне?

– Конечно, – без сомнения ответил дварф. – Мы с вами...

– Передай своей сотне приказ заходить шведам в тыл.

Только один Ансгар все еще в сомнении качал головой. Ему казалось, что он хорошо знает шведов, которые с уважением относятся к его титулу. Тем более во главе этих шведов стоит человек, хорошо знавший и почитавший отца Ансгара конунга Кьотви...

* * *

Сто шагов, на которые самоуверенно полагался Ансгар, давно были пройдены, а шум движущегося войска продолжал приближаться. Свеи правильно просчитали время своего приближения. В сумраке подошедшей ночи славянам трудно было использовать свои луки, хотя темнота и не была полной и стрелять все равно было можно. Но шторм и послештормовая суматоха сначала из-за поиска Извечи и Хлюпа, потом из-за прибытия Хаствита с братом, все это не дало воям времени на подготовку новых стрел. Более-менее это положение не касалось главной ударной силы – стрельцов, каждый из которых имел по одному неполному походному тулу⁴. С собой на бой в проливе стрельцы брали тулы боевые, а основные запасы хранились в ладьях. Сейчас стрельцы срочно перегрузили походные тулы на лосей и отъехали по приказу Овсеня на безопасное для себя, но опасное для противника расстояние. Но если учесть, что свеев было очень много, то даже этих стрел могло не хватить, как не хватить одновременной ударной мощи одного лишь десятка стрельцов. В подобных сражениях количество превращается в качество очень наглядно. Чем больше стрельцов в строю, тем больше стрел выпущено одновременно, тем меньше осталось противников. Но и десяток стрельцов представлял реальную угрозу, если учесть умение выпускать одну за другой по четыре стрелы. Усталость руки наступает, как правило, после двадцати выстрелов, и стрельцу после этого требуется короткий

---

⁴ Походный тул в отличие от боевого, подвешенного к поясу стрельца, где помещалось, как правило, около двадцати-тридцати стрел, вмещал порядка двухсот стрел. Такие тулы из-за своей объемности и веса возились в обозе или на отдельных, специально для этого используемых лошадях. Были еще защитные (осадные) тулы, которые ставили на стенах крепостей и городов, подвергающихся осаде. В защитных тулах помещалось от трехсот и больше стрел, и собой они представляли, по сути дела, ящики из кожи.

отдых. Но двадцать выпущенных стрел каждым – это как минимум две сотни сраженных противников. Если учесть, что стрела в состоянии и двух воинов пробить, значит, потери стрельцы могут нанести и большие. А после отдыха полную серию можно повторить. После следующего отдыха провести следующую и так далее... Главное, чтобы было чем стрелять. Ухудшало положение то, что у простых воев, больше привыкших к мечу или топору, запас стрел всегда бывает ограничен, к тому же они потратили значительную часть своего запаса на битву в проливе. Тем не менее, разделив имеющийся невеликий запас между всеми, вои тоже подготовились встретить свеев с флангов, чтобы нанести удар до того, как те успеют в сумраке понять ловушку, перегруппироваться и прикрыться от стрел тяжелыми щитами.

Истлейв с Хаствитом побежали в обход шведов к своим. Маленький кузнец опять вооружился своим любимым топором. Овсень взобрался на любимца Улича, которого не способны были сдержать свеи, если бы предстояло прорываться к своей сотне. Для Большаки с Ансаром тоже нашлись лоси раненых воев. Так, втроем, выехали они навстречу свейской колонне, заранее договорившись, куда будут прорываться в случае обострения положения. Правда, позади, отстав на два десятка шагов, за сотниками и конунгом следовали два десятка воев на лосях. Лоси при прорыве всегда предпочтительнее лошадей, потому что грудью, весом и рогами прорубают себе дорогу там, где лошади часто вязнут среди тесноты человеческих тел, спотыкаются о них и падают, роняя и всадника. Лось при беге передние ноги поднимает выше и потому не спотыкается, к тому же всегда норовит ударить передним копытом, чтобы убрать перед собой препятствие. На человека такой удар оказывает действие удара торцом бревна.

Место для встречи славяне выбрали сами и даже остановились в этом месте, чтобы дожидаться свеев. Место было удачное в том плане, что его хорошо было видно стрельцам, которые не позволили бы захватить своих сотников и конунга и прикрыли бы их прорыв своими стрелами. Естественно, каждый из стрельцов уже держал между пальцами левой руки по четыре зажатые стрелы, готовый выпустить их одну за другой. Еще четыре стрелы уже были приготовлены для следующей серии выстрелов.

Там, на открытом месте, под светом яркой молодой луны, лоси были остановлены. Ждать оставалось недолго. Свеи, тяжело ступая, двигались в их сторону. И впереди шел ярл Сигтюртг Золотые Уши, используя вместо посоха свой меч вместе с ножнами. Завидев славянских сотников и конунга, ярл замедлил шаги, потом сделал знак рукой, приказывая ближайшим за ним рядам остановиться. Но сам без страха и сомнения подошел ближе.

– Мой юный друг, – сразу обратился он к Ансару, предпочитая не считаться с присутствием здесь славянских сотников. – К нашему несчастью, шторм полностью уничтожил наши лодки со всеми нашими припасами. И мы вынуждены обратиться к тебе с просьбой отдать нам ладьи нанятых тобой славян. Естественно, мы компенсируем тебе все финансовые потери и, как только разделаемся с Домом Синего Ворона, разделаемся и с Торольфом Одноглазым, чтобы он больше не мешал тебе занять достойное место, которое прежде занимал твой славный отец и мой хороший друг. У меня во время шторма погибло около пятисот человек. Это большие потери, тем не менее в наших рядах осталось чуть больше тысячи воинов. И мы сумеем завершить то, что начали, и тебе помочь тоже сумеем. Можешь в этом не сомневаться...

Большака переводил слова ярла Овсеню, который молча и без комментариев снял топор с рогов Улича. Но, выслушав слова Сигтюртга и не дожидаясь, когда соберется с мыслями и ответит Ансар, Большака сам решил сказать:

– А как же твое колдовство, ярл? Неужели оно не смогло тебе помочь против Гунналуга? Помнится, ты чуть не клялся, что остановишь шторм своими заклинаниями. На что же ты в дальнейшем надеешься? Гунналуг не оставит от тебя и твоего войска ничего, кроме твоих золотых ушей. Их он возьмет себе на память, потому что любит, как говорят, золото. И кто тогда будет помогать юному конунгу занять его законное место?

Ярл сделал вид, что он не слышит слов руянина, и даже откровенно насмешливый тон слов его не пронял. И Ангару говорить все же пришлось:

– Я сожалею, ярл Сигтюртг, что не могу удовлетворить твою просьбу. Я привык сам решать свои дела и не полагаться на чужое решение. Эти ладьи принадлежат не мне, но воинам, которых я нанял, и я не имею права уступать их тебе. Более того, я не могу даже часть твоего войска взять к себе на борт, потому что к нам пришло подкрепление, и больше мы никого поместить не сможем. Мы отплываем сегодня ночью, не позже, чем через час, и мне остается пожелать тебе успешного пешего похода. До Дома Синего Ворона плыть несколько часов, но пешком идти полтора дня. Не теряй времени, ярл...

Голос Ангара звучал холодно, но без тени сомнения. Юный конунг, сознавая опасность, все же владел собой прекрасно, как и подобает человеку его звания, и проявил должную твердость, показывающую его уверенность в прочности своего положения и права. Однако шведский ярл надеялся совсем на другое и вообще не ожидал, что Ангар окажется таким неуступчивым при той силе, что стояла у знаменитого полководца и флотоводца за спиной.

– Ангар, я думал, что ты с большим пониманием отнесешься к моей просьбе. – Сигтюртг Золотые Уши рисованно удивился такому решению конунга и изобразил фальшивый вздох сожаления. – Признаюсь, мы обсуждали возможные твои ответы и этот тоже предусмотрели. Но мне очень не хотелось бы прибегать к крайним мерам, к которым ты меня вынуждаешь прибегнуть. У меня значительно большие силы, чем у тебя. И я могу диктовать условия. Хотя, повторю, мне очень не хочется этого. Одумайся, конунг. Хотя бы в память о твоём отце удовлетвори мою просьбу.

– Бесплезно с ним разговаривать, – решил Овсень.

– Бесплезно, – подтвердил Большака. – Не будем терять время...

– Бесплезно, – по-славянски согласился и Ангар и чуть выдвинул своего лося вперед. – Это хорошо, ярл Сигтюртг Золотые Уши, что ты напомнил мне об отце. Отец мой никогда не предавал тех, кто его поддерживает. Даже в самые трудные времена. Эти славяне не только спасли меня. Они помогают мне во всем. Кроме того, я дал слово другому войску, что доставлю их воинов туда, куда им необходимо прибыть. А слово свое, как и отец, я ценю дорого. Как ты думаешь, что сделал бы Кьотви на моем месте?

– Он согласился бы с моими доводами... – сказал ярл без тени сомнения.

– Неправда. Отец обнажил бы меч. Вот этот...

Ангар выхватил свой меч и поднял над головой.

– Уж не хочешь ли ты, мальчик, сразиться со мной? – спросил ярл насмешливо, снял со своего меча дорогие золоченые ножны и отбросил их в сторону, словно ненужную деревяшку. – Ты вызываешь меня на поединок? Ну-ну, хотел бы я посмотреть, что может меч Рёнгвальда в неумелых мальчишеских руках...

– Это уже не меч Рёнгвальда. Это меч Кьотви, – сказал Ангар. – Ему уже удалось опробовать мою руку в схватках с твоими соотечественниками. Меч остался мной доволен...

– Но мне же очень жалко тебя, Ангар... – внезапно ярл заговорил совсем другим тоном, высказывая и укор, и почти отеческое прощение, и отступил на три шага. И говорил он при этом громко и насмешливо. – Я не хотел бы убивать сына своего друга, честное слово, это кажется мне слегка неблагородным. Эй, там... – Сигтюртг оглянулся через плечо. – Захватите мне конунга живым и невредимым. Бока, конечно, помять ему можете...

Сразу два десятка воинов передового отряда бросились вперед, они были рядом, всего-то в тридцати шагах, но добежать до Ангара не успели. Стрельцы все прекрасно видели и кое-что слышали, и буквально через несколько мгновений ярл опять остался против Ангара один на один, только теперь уже окруженный трупами своих передовых бойцов.

Сигтюртг обернулся. До ближайшего ряда его воинов, шагнувших за первой, погибшей линией, было двадцать шагов. Но вторая линия остановилась, понимая, что через несколько

шагов они рискуют получить стрелу. А от конунга до Сигтюртта можно было добраться одним скачком лося. Ярл поднял меч.

– Что же... Поединок так поединок. Я не привык отказываться от поединков.

– Это не поединок, ярл. Ты уже отказался от поединка, когда по собственной трусости послал своих воинов. Ты не есть человек чести, чтобы драться с тобой в поединке. С недостойными не дерутся. Я просто убью тебя, как подлую и наглую крысу, – сказал Ансгар.

Лось под ним, повинаясь удару пятками, сделал большой скачок, ярл, видимо, думал, что Ансгар спешится, следовательно, этого скачка не ожидал, и просто испугался мощного тела лесного великана, отступил в сторону, и конунг нанес молниеносный удар, сразу раскроив шлем ярла вместе с головой. Сигтюртт не успел даже поднять на уровень головы оружие, как золотые уши шлема разлетелись в разные стороны. Первые ряды свеев колыхнулись в сомнениях и двинулись было вперед, но Ансгар не продолжил атаку, а просто поднял над головой меч, требуя, чтобы они остановились. Свеи застыли в ожидании слова, которое должно было прозвучать, не решаясь ни на какие действия. Только что на их глазах так бесславно, не успев даже защититься, хотя держал в руках обнаженный меч, погиб их известный полководец. Это не могло не подействовать на воинов, настроение которых и без того было подавленным после гибели трети войска и всех драккаров. Все они были мужественными бойцами, прошедшими много походов, но сейчас находились в сомнениях и смятении, потому что не оказалось среди других ярлов того, кто взялся бы командовать. Только один уродливый великан, что сопровождал Сигтюртта во время первых переговоров, вышел из строя, ни на кого не глядя, сел рядом с поверженным ярлом и склонил голову, совершенно не обращая внимания на Ансгара.

– Слушаете ли вы меня? – обратился конунг к свейскому войску.

– Говори, конунг... – раздался голос из глубины строя.

– Мы с вами одно дело делаем, только каждый по-своему. И Дом Синего Ворона будет только радоваться, если ваше войско или мое войско не уйдет с этого берега. Я думаю, что сейчас у вашего войска мало шансов на победу. Вы окружены с четырех сторон. Я получил подкрепление и могу просто приказать перебить вас, но не хочу радовать Дом Синего Ворона.

Великан, сидевший рядом с убитым ярлом, вдруг взревел зверем, вскочил и бросился в сторону конунга, на ходу выхватывая меч. Но меч его не успел даже ножны покинуть. Овсень ударил пятками Улича, лось-великан совершил скачок и обрушил на грудь человека-великана свои страшные копыта. Одного удара хватило, чтобы человек-великан навсегда остался лежать на земле, неподалеку от своего хозяина. Даже кольчуга с нашитыми на нее стальными полосами не спасла грудь от такого удара, и, более того, стальные полосы прогнулись, прорубили кольчугу и вошли в грудь.

– Лоси моих воинов растопчут вас, стрелы перебьют вас раньше, чем вы успеете поднять меч, – продолжил Ансгар. – Я же не предлагаю вам позора, как предлагал мне ваш ничтожный и бесчестный ярл Сигтюртт Золотые Уши. Я предлагаю вам свернуть в сторону и пешим строем отправиться в земли Дома Синего Ворона, чтобы сделать то, что вы намеревались сделать. Есть среди вас ярл, способный взять на себя командование? Или вы ждете, что я выделю вам своего командира?

Свейский ряд колыхнулся, раздвинулся, и из-за спин передовых воинов вышел бочкообразный человек в простоватых доспехах и в простом рогатом шлеме на голове.

– Я сразу скажу, конунг, что был против предложения ярла Сигтюртта. Но твоего меча я не боюсь, и твоих воинов, нас окруживших, я не боюсь... Кстати, а есть ли они? Как ты докажешь?..

Вместо Ансгара доказательства предъявил сотник Овсень. Он поднял берестяной рог и громко протрубил сигнал. Тут же его сотня застучала мечами о щиты со стороны суши. Следом сотня Большаки застучала по щитам со стороны фьорда, услышав эти звуки, к славянам присоединилась и сотня дварфов, показывая, что окружение замкнулось.

– Ты не обманщик, конунг, – сказал бочкообразный воин. – Но я и окружения не боюсь. Плевал я на все и на всех... Ничего не боюсь и никого не боюсь... Единственное, чего я опасюсь, это кулаков твоего сотника Большаки...

– И хорошо, что ты мои кулаки не забыл... – отозвался Большака. – У тебя, помнится, тоже кулаки не слабые...

– Но ты побил меня...

– Побил...

– И я, оставшись после смерти ярла Сигтюртта Золотые Уши старшим, в знак уважения к кулакам Большаки, а не к вражескому окружению и не к мечу Кьотви, увожу свое войско в пеший поход. Плывите сами на своих ладьях. За мной, друзья, двигаем быстро, дорога дальняя, – сказал воин, обернувшись, и пошел первым. Шаги его были не слишком широки, но ноги передвигались быстро.

И все свейское войско двинулось за ним. Зашелестели, как прежде, кольчуги...

Ансгар осадил своего лося, чтобы пропустить свейскую колонну. Лось прекрасно слушался повода и попятился. Не каждая лошадь легко выполняет этот маневр.

– Кто это такой? – спросил Ансгар Большаку, кивая в сторону нового предводителя шведов.

– А я знаю? – с улыбкой переспросил Большака. – Если говорит, что я побил его когда-то на кулаках, значит, побил... Я не помню всех, кого побил. Я многих бил. Но я всегда дрался только с достойными, кто имел возможность и со мной справиться, следовательно, мог и его похвалить...

Свеи торопливо прошли мимо. Овсень, опытный в военных делах и легко считающий ряды, десятки и сотни, усмехнулся.

– Ярл Сигтюртт Золотые Уши очень хотел нас испугать. У шведов не более пяти сотен человек. Потому они такие сговорчивые. Будь их больше тысячи, нам пришлось бы драться.

– Готовимся к погрузке, – сказал Ансгар, продолжая командовать.

– Спускаем лодки на воду, – Большака подтвердил приказ.

– И отплываем из этого проклятого фьорда, пока еще кого-нибудь сюда не принесло, – закончил Овсень. – Уж очень это место многолюдное...

– Отплываем, – сказал, подходя ближе, Извеча. – Только сначала, дядюшка Овсень, посмотри сюда...

Маленький нелюдь загородил что-то спиной, чтобы Улич не затоптал песок возле костра. Улич с Извечей давно дружил и потому охотно посторонился. Овсень спрыгнул с седла. Тут же рядом оказался и любопытный Ансгар.

– Что у тебя? – спросил сотник.

Извеча посторонился и показал что-то, нацарапанное на песке простой палочкой.

– Что это? – не понял и Ансгар.

– Это первые две страницы той книги... Я все страницы помню... У нелюдей память не человеческая. Если пожара нет и бояться ничего не надо, мы все помним...

– Вот уж молодец, и очень ценю тебя за это. Но все страницы ты потом тетушке Всеведе нарисуешь, – сказал Овсень, затоптал рисунок и посмотрел на конунга. – Не будем время терять. Уже и дварфы подходят.

– Лодки на воду! – скомандовал Большака.

– Грузимся! – добавил Овсень.

Глава вторая

Плыли быстро, торопились, чтобы успеть проплыть мимо Дома Синего Ворона в темноте и в темноте же добраться до фьорда Дома Конунга. И для скорости к гребцам в помощь посадили дварфов, чьи крепкие руки никогда не знали усталости и легко могли подстроиться под ритм гребка, как подстраивались с маленькими молотками около наковальни под удары большого молота. И ветер в дополнение помогал. Ветер был не совсем попутным, но кормчие умело обращались с парусом и умели использовать любой ветер, кроме прямого встречного. Лоцманом, знающим местные воды, выступал сам юный конунг, потому что другие местные жители, представленные только дварфами, в мореплавателях никогда не числились и даже простых рыбацких промыслов не ведали. А кормчий Титмар плыл на ладье сотника Большаки, с которым неожиданно для конунга сильно сдружился, да и, кроме того, Титмар хорошо знал воды рядом с фьордом ярла Фраварада и плохо воды рядом с фьордом Ансгара. И потому юный конунг взял сложные обязанности на себя. Как договаривались еще на берегу перед последним плаванием, высадку совершали ночью, перед самым рассветом, чтобы мало кто видел количество воев, приплывших с конунгом к его Дому. И старались при этом не шуметь, что, впрочем, мало помогло, хотя Ансар горел желанием устроить Торольфу несколько сюрпризов, но не знал при этом, кто может Одноглазому донести о его прибытии.

Деревянный, но стоящий на каменном фундаменте Дом Конунга высился на крутом скалистом обрыве, с которого открывался обзор во все четыре стороны, и от ворот дома отходили две дороги. Главная, хорошо протоптанная людскими ногами и копытами лошадей, – в Ослофьорд, который здесь изредка называли даже городом, хотя он имел всего одну недостроенную городскую стену со стороны моря, однако еще конунг Кьотви намеревался достроить стену полностью по всему периметру, иначе и смысла в стене не было, потому что любому врагу не составляло труда высадиться в стороне, обойти селение по суше и напасть на незащищенные дома. Впрочем, поддержки в этом вопросе среди местного населения конунг не находил. Людям, привыкшим жить в виках, стена казалась излишеством, и тратиться на ее строительство не все считали нужным. А оплачивать строительство из личных средств уже не считал необходимым сам конунг Кьотви.

Вторая, короткая дорога шла полого вниз, в невеликий по размерам, но удобный собственный фьорд конунга. Там, внизу, на берегу, стоял и большой вик, в котором когда-то родились предки Ансгара, и лишь недавно развалилась от возраста дом-землянка, когда-то принадлежавшая семье. В вике сейчас жили большей частью рыбаки и бонды, работающие в Доме Конунга. Если плыть дальше в сторону Ослофьорда, следом за первым, ближним фьордом следовало еще три таких же залива со своими виками, и все они считали конунга своим ярлом. Но теперь Ансар, как раньше был Кьотви, являлся для них и верховным судьей, и верховной властью. Впрочем, конунг вообще был верховной властью для всех вигов Норвегии, но для других вигов имелись свои судьи и свои ярлы. Из жителей же этих четырех вигов в основном и формировалась дружина конунга. Ну, было еще три десятка наемных солдат, исполняющих роль стражников в Доме, однако наемные солдаты могли быть из разных не только вигов и земель, но и стран. Так, у Ансгара служило два шведа, сбежавших от наказания из земель своего ярла, три полабских славянина, не нашедших приложения своих воинских талантов на родине, один угрюмый эст, скрывавший какую-то страшную тайну и потому всегда прятавшийся от своих соотечественников, если те случаем появлялись в окрестностях, и один рюанин. У отца было еще четверо ляхов, лично к нему привязанных, но ляхи Ансгара покинули сразу после смерти Кьотви, отправившись служить куда-то в другое место, поскольку не питали к сыну тех чувств, которые питали к покойному конунгу, и не были связаны с новым конунгом никакими обязательствами. Говорили, что кто-то из соседей подбил их отправиться искать счастья и славы при

дворе византийского императора, где наемники всегда были в большей цене, чем свои воины. И пусть. Четыре человека не делали погоду. Но основу стражи и войска конунга, конечно, составляли все-таки норвежцы.

Когда четыре ладьи, одна за другой, миновали широкий здесь, но длинный пролив и воткнулись носами в черный слюдянистый береговой песок, кто-то уже заметил их, и в вике сразу поднялась тревога, жители высыпали на берег фьорда с оружием в руках – действия обычные и необходимые для трудного времени практического безвластия. И потому первым пришлось спуститься на берег Ансгару, который вызвал у своих людей естественное удивление, быстро перешедшее в неописуемый восторг. Они уже, кажется, смирились с его смертью, о которой по всей округе только и говорили все последние дни, а тут явление живого и здорового конунга...

– Ансгар, ты даже не представляешь, да и мы сами не представляли, сколько радости можно испытать от того, что в мире так много людей со лживыми языками... – так замысловато выражаясь, встретил конунга Хрольф, долгоносый староста вика, в прошлом известный воин, но по возрасту уже малоспособный встать в строй со щитом и мечом, тем не менее способный еще не только обучать молодежь воинскому искусству, но и командовать другими воинами, используя свой громадный опыт, приобретенный в сражениях, которые вел Кьотви.

– Я рад, что вы встречаете меня с чистой душой, – сказал Ансгар, сам сильно волнуясь от возвращения в родные места. – Я вернулся с мечом отца, следовательно, с полными правами на его титул, и вы можете звать меня конунгом Ансгаром. Но предупреждаю сразу... Мне хотелось бы знать, что замыслил против меня ярл Торольф Одноглазый. И потому я запрещаю вам всем до послезавтрашних выборов показываться в Ослофьорде и в соседних чужих виках. И вообще, говорить о том, что вы видели прибытие ладей. Но наши вики должны знать правду и должны быть готовы ко всему. Возможно, нам предстоит война. Потому я собираю у себя старост всех четырех вигов уже через час. Оповестите всех, пошлите гонцов... А твой мудрый совет, Хрольф, может понадобится мне раньше. Приходи в Дом до общего сбора.

Сверху, по дороге от Дома, уже сбегалась с факелами в руках вооруженная стража. Ансгару пришлось опять выйти вперед и повторить предупреждение для стражи отдельно:

– Ворота закрыть. Открывать только по моему распоряжению или по распоряжению людей, которых я назначу.

За ним сразу поднялись в Дом только Большака со своей сотней, для постоя которой отвели длинный сарай, гребцы одной из ладей, староста из вика Хрольф да дварфы Хаствит и Истлейв. Дом стоял мрачный и затемненный, каким и полагалось быть дому, носящему траур.

Разжигать много огней конунг опять запретил.

Праздник устраивать было рано. Праздник будет устроен после того, как Ансгара официально признают конунгом и он рассчитается с теми, кто хотел у него титул украсть...

* * *

Вторая пара ладей с сотней Овсеня и сотней дварфов, познакомившись с местом и показав себя жителям местного фьорда в качестве союзников конунга, чтобы в дальнейшем не возникло острых недоразумений, получила проводника из местных рыбаков, сразу спустилась на воду и отплыла. Пошли обратным курсом до одного из предыдущих фьордов с незаселенным берегом, в который вошли уже на рассвете. Фьорд был тесным, неудобным, не имеющим песчаного пляжа, но в него втекали одна рядом с другой две неширокие речки, в устье которых, выполняя указания проводника, ладьи вошли и остановились на мели, прикрытые со всех сторон кустами. Оставив лодки там, в устье речек, естественно, под небольшой охраной из гребцов, больше привыкших к лодке, чем к пешим переходам, и проводника, который не был даже вооружен для такой срочной поездки, остальные намеревались двинуться в глубину

шведской территории. Бьярминским воям предстояло заниматься своими делами, к которым они сразу и приступили, начав с выгрузки лосей и лошадей и поиска троп, ведущих на высокий берег. Однако проходимых для верхового войска троп не оказалось, существовали только узенькие, вытопанные, скорее всего, дикими вепрями, и их пришлось местами расширить, чтобы пройти. Боевые топоры для этого дела тоже годились. Впрочем, труднопроходимых мест было мало, и часть пути лоси расчищали своей широкой грудью, просто проламывая кусты.

Одновременно с русами выгрузилось и девяносто девять полностью снаряженных к боевым действиям dwarфов. Маленький народец, при своем небольшом росте, всегда отличался громадной физической силой, и даже сотник Овсень, сам человек силы немереной, с удивлением рассматривал их щиты, которые, благодаря мощной оковке, могли выдержать, пожалуй, удар любой стрелы, кроме стрелы, посланной сложным славянским луком. Но если уж стрелу, пущенную стрельцом, не выдержат, то наверняка не развалятся в середине боя от нескольких добрых ударов меча или топора, как обычно случается со всеми деревянными щитами, доски которых только в центре скреплены металлическим умбоном и имеют окантовку в виде металлической полосы по внешнему краю. Но даже деревянный щит носить в бою не слишком легко. Какая же нужна сила, чтобы носить такие щиты, как у dwarфов, и не просто носить, а использовать их острые края со специально выкованными острыми шипами как оружие! Сотник сразу понял, для чего предназначены кованые шипы, на первый взгляд служащие только украшением, но в действительности способные в тесноте плотного боя наносить страшные рваные и колотые раны. Кроме того, часть шипов располагалась так, что между ними мог застрять клинок меча и при нажиме плечом, произведенном вовремя, или сломаться, или просто вывалиться из рук противника.

Dwarфами командовал самый низкорослый из них, но в то же время самый широкоплечий и самый широкобородый рудознавец Херик. Но поставлен он был командовать не потому, что слыл знаменитым воином, которых среди dwarфов вообще не было, а только потому, что знал, как и Истлейв, славянский язык. Руки у Херика были короткими, но объемными, как нога обыкновенного человека. Такие руки, конечно, позволяли носить самый тяжелый щит без усталости. Мечи, которые из-за малого роста и коротких толстых ног могли мешать при ходьбе, dwarфы носили только за плечом. Впрочем, выхватывать оружие из-за плеча, может быть, было даже удобнее, чем с пояса. Овсень видел, что многие норвежские и шведские моряки и славяне с рюанской ладьи, вооруженные укороченными мечами, носили их на манер dwarфов за спиной. Но это требовалось там, где бой проходит в тесноте, например, когда сцепляются два драккара или драккар с ладьей. Мечи dwarфов в дополнение ко всему выделялись еще и кованой художественной отделкой. Они не были украшены драгоценными камнями или драгоценными металлами, но красота и удобство рукояток останавливала на таком оружии взгляд. И все мечи отличались повышенной шириной клинка и уменьшенной длиной. Наверное, dwarфам, при их небольшом росте и большой физической силе, было удобнее воевать именно такими.

Последняя десятка подземных жителей выгрузилась с ладьи не только с оружием, но и с рабочими орудиями и несла за плечами мешки с различными лопатами, кирками и еще чем-то, что было в мешках невидимым. Не использовать такую силу, когда она сама просит ее использовать, было просто грехом. Так решил Овсень еще во время плавания. Ангар согласился с сотником, и тогда же они договорились о временном разделении сил и о дальнейшем взаимодействии. Dwarфы с их новой ролью согласились охотно: поскольку люди, более склонные к войне, собрались за них сделать их дело, они должны помочь людям сделать то, что сами люди сделать не в силах. А не в силах люди быстро копать подземные переходы, по которым можно проникнуть в любое помещение любого дома.

– Мы готовы, ярл... – доложил Херик, едва dwarфы закончили выгрузку.

– Я не ярл, дружище, и мне не нравится такой титул. В наших землях он напоминает о крови и огне, о грабеже и грабителях, об убитых стариках и похищенных женщинах и детях и

не слишком уважается. Я просто сотник Овсень и прошу меня так называть... Наши нелюди зовут меня дядюшка Овсень. Значит, выступаем. Тропа почти готова. Далеко нам идти?

– Не очень, дядюшка Овсень. Если сейчас перекусишь, предобеденный голод еще почувствовать не успеешь, как будем на месте. Но там придется-таки спрятаться получше и ждать. Наш уже готовый ход ведет через каменные стены в верхний ярус башни, откуда можно слышать разговоры колдуна. Там нам делать пока нечего. А в подвалы, куда нам дорога, надо еще новый ход прокопать... Но он не может быть длинным. Нас много, и никто не успеет устать. Даже ты ждать не устанешь, хотя и очень торопишься...

– Мы успеем вернуться?

– К обеду, думаю, вернемся... Хорошо бы пообедать у конунга Ансгара, но туда мы чуть-чуть опоздаем. Надеюсь, без нас все не съедят. Но у них тоже времени будет мало... Не до еды...

Судя по манере dwarфа разговаривать и по сравнениям, которые он выбирал, Херик всегда страдал повышенным аппетитом. Наверное, для обладателя плеч такой ширины и рук такого объема это было даже нормальным явлением. Кто много работает физически, тот, как правило, много ест. Это в случае, если ему есть, чем себя подкормить. Херику, судя по всему, было чем. По крайней мере, за пазухой у него виднелся каравай хлеба, а на поясе висела объемная фляжка. Еще во время пути Херик к фляжке прикладывался, и Велемир спросил, что пьет dwarф.

– Сок крапивы пополам с соком клюквы. Хочешь попробовать? Очень вкусно! И здоровья добавляет...

Велемир хотел сделать глоток, но вовремя надумал понюхать и так сморщился, что вызвал удивление Херика.

– Неужели не нравится? – спросил dwarф, не понимая причины такой мимики десятника.

– Я уж лучше водой обойдусь... – отказался стрелец и снял с пояса свою фляжку.

* * *

– Выходим, – скомандовал Овсень.

– Дядюшка, дядюшка, – послышался тонкий голосок. – Возьми меня с собой.

Извеча бежал от ладьи. Без мешка ему бегать было легко, несмотря на короткие ноги.

– А ты не хочешь остаться со Смеяном?

– Он заставляет меня писать, а у меня пальцы устали.

– Что писать?

– Ту книгу, которую я помню. Я пишу ему краской на коже. Уже половину половины написал. А он дальше велит. Я устал, голова от натуги болит.

Овсень предпочитал никого не заставлять делать дело, к которому тот стремления не имеет.

– Поехали. Вот еще бы ты читать научился...

– Тетушка Всеведа обещала научить меня, да не успела.

– Научит. Ты у нас способный.

Овсень наклонился, ухватил домовушку за шиворот и посадил на спину Улича позади себя. Лось-великан дополнительный груз выдержит без труда, поскольку груз этот совсем невелик.

– Подожди, Овсень, – позвал от ладьи шаман Смеян.

Подошел, привычно косолапя, и протянул небольшой холщовый мешок.

– Это и есть труд Извечи. Если доберешься до Всеведы, отдай ей. Она скажет, что с этим делать. Вдруг да сразу сгодится. Только помни – она под сетью Гунналуга, и увидеть ее будет трудно. Я видел ее из другого мира. И Заряна тоже под этой сетью. Только Всеведа под двумя

сетями, Заряна под одной. Первая сеть, что только на Всеведе, мешает ей волхвовать, вторая делает их невидимыми из этого мира, но и им не позволяет в мир войти. Признаться, я не догадываюсь, что можно с этой сетью сделать. Это какое-то незнакомое мне колдовство. Да и сама Всеведа не понимает...

– Я найду их...

– Ищи. Я попробую камлать... Валдай уже костер готовит. Может, смогу как-то тебе помочь. Я взял несколько волосков из ушей Добряны. И попробую следить за ней и направлять. Она тебя поведет правильно. Она почувствует, потому что сама в двух мирах сразу живет, и правильно покажет. И я буду с вами, только вы меня из своего мира не увидите...

– Хорошо.

Двинулись сразу двумя колоннами. Ни вои не опережали колонну dwarфов, ни dwarфы не выдвигались вперед. Но рядом с лошадьми, а особенно рядом с лосями, dwarфы казались совсем крошечными, чуть ли не ползающими существами. Впрочем, Овсень слышал про их серьезный характер и неуступчивость в бою, да и Хаствит, как рассказывали, хорошо показал себя при столкновении драккаров на Ловати, и потому радовался таким союзникам.

Между двумя колоннами спокойно рысью трусила волкодлачка, на которую dwarфы все еще косились с некоторым недоверием. Она на них внимания не обращала. Но часто задирала нос и нюхала воздух. То есть вела себя уже совсем, как настоящий зверь, научившись обычным звериным способам познания мира...

* * *

Тем временем, понимая нормальную радость обитателей Дома от прибытия вроде бы навсегда потерянного и вновь обретенного хозяина, Ангар мягко приказал прекратить переполох, вызванный его появлением. И отдавал распоряжения, которые считал срочными для обеспечения безопасности и скрытности. А Хаствит с Истлейвом, как и договаривались, пошли обходить двор по внутренней территории, быстро сориентировались и остановились в выбранном месте. Стража из двух полабских славян, что сопровождала dwarфов, знала этот народец мало и недоумевала, не понимая, что делают такие странные нелюди в узком промежутке между домом и внешним частоколом, выставленным на самом краю обрыва. Но страже, конечно же, и не следовало знать о мысленных переговорах, которые вели dwarфы со своими собратьями, сидящими внутри скалы, на которой был выстроен Дом Конунга. А dwarфы, переговорив и удовлетворившись, переглянулись, обменялись несколькими кивками и после этого вернулись в дом к людям, оставив провожающую их стражу недоумевать о цели такой прогулки.

Большака с Ангаром уже сидели за столом в комнате с едва горящим каменным очагом, дым которого скапливался под высоким потолком здания. За отсутствием меда сотник пил из глиняной баклажки теплое греческое вино с пряностями. Юный конунг, не имея пристрастия ни к меду, ни к вину, обходился водой, которой поил из глиняной миски и сидящего у его ног Огнеглаза, уже осмотревшего весь дом и нашедшего его достойным для себя пристанищем. Сразу после своего прибытия в новое жилище Огнеглаз заставил двух дворовых собак полаять издали и убежать за угол, хотя сам он даже не гавкнул на них. Да и люди, местные жители, поглядывали на великана собачьего мира с такой же опаской, как местные собаки, и тоже не спешили погладить добрейшее существо, по достоинству оценив клыки во всегда улыбающейся пасти.

Разговор сотника с конунгом шел о дальнейших пока еще не конкретизированных планах.

– Я не знаю, как обмануть Гунналуга, – как раз сетовал Ансгар, когда вошли дварфы. – Если бы не он, можно было бы вообще скрыть мое пребывание здесь. Но, если ярл Торольф узнает, что я прибыл, он может убить дядю Фраварада. А он обязательно узнает от колдуна...

– Ты приказал страже расстреливать всех воронов, что окажутся поблизости?

– Не только воронов, но и серых ворон, и сов, и вообще всех птиц, которым летать здесь не положено. На берегу Ловати Гунналугу служили и серые вороны, и сова. Моя стража, конечно, не может стрелять, как Велемир, но от птиц отобьется... Однако я боюсь, что у колдуна есть и другие возможности вести разведку. Про Извечу и про его мешок колдуну, наверное, не птицы рассказывали. Он много умеет и очень много знает...

Большака в сомнении повел большими плечами.

– Он только колдун, он не шаман. Колдун не путешествует в иных мирах. Он в своем мире гадости творит. Но я не знаю всех возможностей Гунналуга, а они могут быть разными. Нам остается только положиться на то, что в мешке Извечи не было той самой мудрой книги. Смеян говорит, что без книги Гунналуг не сможет набрать достаточно сил, потому что он вместе с Добрянной запечатал вход для этой силы. Смеян деловой шаман. Он тоже много знает и тоже много умеет, хотя я встречал шаманов и посильнее. Случись бой, Смеян в нем бесполезен, разве что может скрыть кого-то от общих глаз. Но сделать невидимку могут все шаманы. А бывают такие, что сами участие в битвах принимают. И колдуны тоже. И не без пользы. А что касается ярла Фраварада, то, думаю, Торольф как раз и будет тщательнейшим образом его жизнь охранять.

– С какой стати? Дядя – его обвинитель. И он от обвинителя постарается избавиться.

Большака пошевелил необъятными плечами, так показывая свое недоумение.

– Тебе разве нужен обвинитель, чтобы снести Торольфу его неумную голову? Разве он сам недостаточно себя обвинил, чтобы стоило без угрызений совести отправить его к предкам как можно ближе и желательно побыстрее?

– С этим согласен. Он дел натворил столько, что не одну смерть заслужил.

– Вот-вот... Тогда Фраварад в безопасности.

– Я не понимаю твоей логики, – упорствовал Ансгар.

– Что тут непонятного? Твой дядя – заложник у Торольфа. Если ты нападешь, его убьют. Если будешь вести себя смиренно, как послушный ребенок, Торольф будет Фраварада даже охранять. Опять же как залог своей безопасности...

– До конца жизни, что ли? И чьей жизни?

– А это уже другой вопрос. Я не берусь гадать, кто из них дольше проживет. Я не колдун. Тебе, кстати говоря, пора бы обзаводиться таким помощником. Почти каждый ярл имеет в своем Доме колдуна. Лишь бы это был не шарлатан и пользу приносил.

Ансгар согласно кивнул:

– Этот вопрос следует обдумать. У отца был колдун, но толку от него оказалось мало. Он даже с погодой все путал и вместо солнца вызывал шторм на неделю. Отец прогнал его, когда я был еще маленьким... Сильные колдуны в наше время – редкость. Научиться бы самому... Найти бы книгу, как у Всеведы, и научиться.

Ансгар выдавал свои старые мечты. Но Большака, с высоты своего жизненного опыта, с ним не согласился:

– Научиться можно фокусам и мелочам. А настоящим колдуном следует родиться. И неизвестно еще, родился ты со способностями или нет. Ярл Сигтюррг Золотые Уши тоже заявлял, что он колдун. Но не спас свои драккары. Не хватило дара, хотя, я слышал еще раньше, он на всякие мелкие фокусы был горазд. Но ты одним ударом раскрыл ему шлем вместе с головой. Никакое колдовство не помогло, никакие заговоры. Человек, мне кажется, должен быть или конунгом, или колдуном. Это разные вещи...

– Старики рассказывают, что когда-то Норвегией правил конунг-колдун и тогда страна жила хорошо. Норвегии сейчас это нужно. Шведы постоянно на наши земли зарятся. Они уже подчинили себе почти всех саамов, что живут с полуденной стороны от них, начали прибирать восходных саамов и теперь посматривают в полуночную сторону. Им только даны мешают, не позволяют усилиться. Да и внутренние склоки. Если произойдет объединение сил, шведы станут очень сильными и данов не постесняются, чтобы на Норвегию напасть. Мне бы для начала правления или самому научиться колдовать, или приобрести колдуна, да набрать бы в войско побольше славянских стрельцов. Тогда уже не шведы бы на наши фьорды зарились, а мы на их земли... Сейчас, после истории с Сигтюргом Золотые Уши, все отношения обострятся. А если еще выплывет история с ярлом Свенельдом... Да и без других причин против шведов воевать придется. Надо думать, что можно предпринять и как подготовиться...

– Что касается стрельцов, здесь вопрос сложный. Стрельцы и в славянских землях в редкость. В нашем княжестве в материковых землях их еще можно набрать⁵. Но уже на Руяне с этим проблемы. Стрельцов долго воспитывают, с самого детства обучают. А руяне народ нетерпеливый и слишком подвижный для долгого обучения. Я на всю свою сотню сумел только двоих найти. А что касается колдуна, то... Пригласи к себе Смеяна. В войне он помощник плохой, но в разведке равных себе не знает. Я слышал, все его становище Торольф или вырезал, или захватил, а он остался совсем одиноким человеком...

– Овсень говорил об этом. Кажется, вырезал. А захватил детей или девушек...

– Смеяну некуда возвращаться. Пригласи, пусть тебе помогает.

– Я подумаю. Хотя я с большим желанием пригласил бы к себе Велемира вместе с его десятком стрельцов. А лучше и Смеяна, и Велемира. Но Велемир не согласится.

– Я тоже так думаю. У Велемира своя служба и дружба. А Смеян согласиться может, хотя и здесь у меня уверенности нет. У Смеяна после гибели его становища не может быть хорошего отношения к твоим соплеменникам. Но все же попробуй.

– Я попробую.

Дварфы, вошедшие молча, некоторое время слушали разговор. Потом присели у огня на корточки, не желая пользоваться обычными для норвежских домов низенькими скамьями и древесными колодами. Ансгара это не смутило, потому что скамьями здесь вообще мало кто пользовался, предпочитая полежать на оленьей шкуре рядом с очагом. И сейчас на полу было разбросано множество таких шкур. А уж за стол, стоящий в другом конце зала, вообще никто, кроме самого юного конунга или его родителей, когда они были еще живы, в доме никогда не садился. И сам Ансгар сел сейчас только потому, что за стол сел сотник Большака, хотя с удовольствием сел бы на шкуру.

– Что расскажете? – поинтересовался сотник, протягивая дварфам свою баклажку с вином.

Дварфы молча замотали головами – от вина отказывались.

– Мы все сделали, как надо... – сообщил Истлейв. – Договорились... Они переделают последний проход. Старый закроют, запекут и сделают непроницаемым, новый выведут, как вы сказали, в скалу. Оставят только тонкую стену, которую легко разрушить плечом. Кто захочет выйти в ту сторону, сразу свалится с обрыва.

– Стражи с ними нет? Спрашивал?

– Восемь воинов на выходе. Караулят, чтобы не ушли.

---

⁵ В раннем Средневековье, как говорят летописи западноевропейских авторов (личный летописец Карла Великого Эйнхард и учитель Эйнхарда аббат Алкуин), в княжестве бодричей, вагров и лужицких сербов существовали целые школы стрельцов. И именно благодаря стрельцам, вооруженным сложными луками, эти западнославянские княжества долгое время могли сопротивляться германской агрессии. Тогда как, например, некогда мощное княжество венедов, занимавшее половину Европы со столицей в городе, носящем имя их племени – Вена, но не культивировавшее стрельцкое искусство, было быстро поглощено германской экспансией. Остров Руян входил в состав княжества бодричей.

– Я не понимаю... Они такие хорошие землекопы... Почему же тогда сами не могут сделать выход в другую сторону, чтобы спокойно уйти? – спросил конунг.

– А что тогда Торольф сделает с их семьями?.. – спросил Истлейв, почесывая свою нерасчесанную бороду. – Жены и дети стали заложниками и сейчас сидят в Красных скалах тоже под охраной стражи. Если dwarфы не будут копать или убегут, стража убьет женщин и детей. Так пригрозил Одноглазый. Мы именно с этой стражи, кстати, и собирались начать. Там двадцать воинов следят, чтобы не разбежались дети. Сначала надо освободить семьи, потом копатели сами выйдут. Так мы планировали.

– Но там же, в Красных скалах, насколько я помню, есть подъемный мост, – сказал конунг. – Наверное, он поднят, чтобы никто не ушел. Как вы хотели туда попасть?

– Мост для посторонних, – улыбнулся dwarф, и улыбка совсем изменила его грубое лицо и сделала даже приятным и приветливым. – У нас свои ходы. Не забывай, конунг, что мы подземные жители. Для нас путешествовать под землей то же самое, что для вас плавать по воде. Это не слишком трудно, хотя там тоже есть свои опасности. Но не в наших краях. Опасности обычно встречаются в старых заброшенных подземельях, где любит поселиться всякая нечисть. В полуденной стороне Швеции много таких мест. Dwarфов там истребили, а в подземельях живет нечисть. Есть нечисть из нелюдей, есть вообще непонятно какая. Я вот слышал о подземных драконах и великанских червях-людоедах. Эти людоеды одинаково поедают и людей и dwarфов. И горе тому, кто туда сунется. Слышал я, в прошлом году четыре сотни шведов решили воспользоваться заброшенным подземельем по своим военным делам, и все там сгнули, когда нечисть на них полезла. Человека три, кажется, сумели спастись. Вышли седые и согбенные, без сил, без разума. Когда там dwarфы жили, они за подземельями следили и нечисть не пускали своими заговорами. А теперь все проходы свободны. И под землей живет беда.

Открылась скрипучая тяжелая дверь, и вошел староста Хрольф. Посмотрел сурово на всех собравшихся у очага, пошевелил увесистым длинным носом и только потом шагнул вперед.

– Что ты? – спросил Ансар. – Отправил посыльных за другими старостами?

– Отправил, конунг. Старосты вот-вот придут. Я по другому поводу. С верхней башни видно каких-то воинов. Они пришли со стороны Швеции и ушли в сторону Сухого оврага. Около двадцати человек.

– Это не наши люди, – сказал Большака. – Наши в другой стороне и идут не из Швеции, а в Швецию. Ты посматривай за этими... Скоро события начнут развиваться стремительно, и нельзя оставить без внимания никого, кто окажется поблизости. Я думаю, это как раз те, что должны ворваться в этот Дом...

– Вход в подземелье как раз в нижнем конце Сухого оврага, – заметил Истлейв.

Староста словно бы не слышал эти слова и посмотрел на Большаку неприветливо.

– Я ни за кем не посматриваю, сотник, – сказал Хрольф сдержанно. Ему явно не нравилось, что Ансар окружил себя славянами и dwarфами, вместо того чтобы положиться на своих людей. – Я только передал, что сказала стража с верхней башни.

– Ну так пошли разведчиков, чтобы присмотрели за подозрительными воинами, – сказал Большака. – Или ты предлагаешь, чтобы я послал своих людей? Тогда я не понимаю, зачем вообще здесь нужен ты... Пошли, пошли людей... И спешно...

– Выполняй, Хрольф, – мягко сказал Ансар. – Сотник Большака командует обороной моего Дома, а нам нужно организовать оборону. Он знает, что говорит... Пусть разведчики просто заглянут туда, но в глубину не суются. По крайней мере, надо выяснить, шведы это или норвежцы. Нам сейчас опасны и те, и другие. Но, повторяю, осторожно... Иначе можно спугнуть...

– Он командует обороной? И потому его воины заняли все площадки внешних стен? – спросил староста.

– Именно потому, – сказал конунг твердо и даже в слегка повышенном тоне. – Ты должен помогать Большаке, что бы он ни попросил сделать. Это моя воля! И всем вместе распоряжаюсь только я, запомни. И не потерплю, чтобы кто-то мою волю не выполнял или выполнял неохотно. Кто выполнять не хочет, может убираться хоть к Торольфу Одноглазому... Только это ненадолго, потому что дни Торольфа сочтены...

Хрольф кивнул слегка обиженно и вышел.

– Ревнует... – с пониманием отметил Ангар уже другим тоном. – Наш народ всегда принимает только своих и помогать хочет только своим. Мы не любим, когда нами командуют чужие. Но их всех следует сразу ставить на место и в дальнейшем держать жесткой рукой, иначе совсем от рук отобьются. Это еще наука моего отца...

* * *

Дварфы вывели сотню Овсеня к обширным зарослям высокого кустарника, который они почему-то называли лесом. Может быть, для них, учитывая их рост, это и был лес, но для всадников, тем более сидящих на лосях, местные заросли так кустарником и оставались и не могли скрыть ни самого всадника, ни даже лося без всадника.

– Здесь надо спрятаться, – сообщил Херик.

– По-моему, больше шансов спрятаться на городской площади, – хохотнув, возразил сотник Овсень. – Там, по крайней мере, среди торговых людей затеряться можно. Я не могу заставить лосей лежать, когда сам лягу. Им это всегда трудно, они ложатся только раненые или больные. А без этого лоси будут слишком заметны.

Дварфы из всех животных общаются только с козами и даже собак не держат. Лосей, конечно, в жизни видели, но диких и издали. И потому не знали их повадок и возможностей. Херик обернулся на чью-то мысль из своей колонны, выслушал, кивнул и согласился с сотником.

– Да, здесь вас будет видно, лучше отойти в Ломаный овраг. Но рядом с Ломаным оврагом проходит дорога к башне Гунналуга, и там следует быть особо осторожным.

– Если овраг так же глубок, как высок этот лес, то нам и там не спрятаться... – предупредил Овсень. – Не лучше ли сразу поискать надежное убежище?

– Овраг всех вас скроет... – сказал Херик. – Там, в дополнение ко всему, по краям растут такие же кусты, как здесь. Меня только дорога беспокоит. Нас могут с нее увидеть, а это плохо. Я провожу вас и останусь с вами, а мои братья уйдут работать. Когда нужно будет, они позовут нас. И сразу попроси своих стрелочников убивать всех воронов, что будут летать поблизости... Издали они кажутся черными, но на самом деле они синие. Это не живые птицы, это частицы Гунналуга, которых он из себя самого создал...

– Стрельцов... – поправил Овсень. – Стрелочник – это мастер, который делает стрелы.

– Стрельцов, запомни это... – назидательно добавил Извеча, высовываясь из-за спины Овсеня и грозя пальцем.

– Стрельцов... – согласился дварф. – Поехали в овраг...

– Поехали. Велемир, ты слышал урок?⁶

– Мы готовы. – Велемир показал, что и он сам, и все его стрельцы уже держат в руках и луки, и стрелы и готовы отреагировать на приближение любой птицы, даже не ворона. Стрельцов предупреждать и надобности не было. Они всегда сами реагировали на обстановку и готовились заранее, не дожидаясь приказа.

---

⁶ Урок (старославянск.) – задание, приказ.

Путь занял немного времени, и птиц в это время поблизости не оказалось, хотя слышалось откуда-то со стороны громкое карканье. Сам овраг, как оказалось, сбегал со склона холма извилистой, как молния, ломаной линией и больше походил бы на трещину в земной поверхности, если бы не имел плоского дна, по которому, видимо, весной, в пору таяния снегов, сбегала в сторону моря целая талая река. Там, где река натыкалась на камни или скалы, она резко сворачивала в сторону, образуя изгиб оврага. И шла прямо до следующих камней или скал.

– Спрятаться лучше в нижнем участке, – подсказал Херик. – Верхние участки просматриваются снизу, с дороги. А поверху дорога уже в сторону уходит, и оттуда нижние участки оврага не видно.

– Дорогу нам так и так следует блокировать, чтобы отрезать колдуна от всякой связи и чтобы никто не помешал нам. Это тоже работа для стрельцов. Они никого не пропускают.

– Это хорошо бы... – согласился дварф.

– Где башня? – спросил Овсень.

– Слышишь карканье?

– Не глухой...

– Это слуги Гунналуга кормят воронов. Башня на противоположном склоне, со стороны моря.

– Много у колдуна слуг?

– Нет. Обычно два-три человека. Изредка бывает больше. Он берет слуг и стражников из Дома Синего Ворона и часто меняет их. Они сами боятся и не хотят ему служить. Постоянно у него живет только одна старушка, сама немного колдунья. Ходит по дому и время от времени проклинает Гунналуга. Он на проклятия только смеется... Говорят, что она в чем-то ему помогает, готовит какие-то зелья, и потому он ведьму терпит. И еще там есть кузнец-убийца. Его хотели повесить, но Гунналуг взял его к себе. Есть еще шестеро стражников. Десять дней одни стражники дежурят, десять дней другие, потом третьи. Все из Дома Синего Ворона. Гунналуг сам выбирает, кто пойдет к нему, и всегда старается взять разный состав. Некоторые, правда, подолгу дежурят. Как колдуну захочется. Но в целом состав меняется. Он берет самых сильных, но приходят оттуда они все ослабленными. И еще, я слышал такое, он подбирает тех, кто его больше всего боится.

– Понятно. Вурдалачит. Добряна! – позвал сотник волкодлачку. – Проверь овраг...

Волкодлачка серой молнией метнулась со склона, и вскоре ее хвост мелькнул уже перед первым поворотом. С быстротой волка не может сравниться быстрота даже самого резвого коня, поэтому ждать пришлось не слишком долго.

– Мне всегда казалось, что такие башни должны строить на вершинах. – Велемир заметил, что Добряна уже возвращается, и первым пустил Верена через кусты на крутой склон, чтобы спуститься в Ломаный овраг.

– На вершинах у нас строят сторожевые башни, но они всегда на свету. А колдун не любит солнечного света и построил башню на полуночной стороне, куда не всегда доходит солнце, но порой доходит с моря туман. И башня часто просто торчит из тумана. Даже ворот не видно. С верхней площадки, которая вместо крыши, в хорошую погоду всегда можно море рассмотреть. Так говорили строители, что башню строили. И Гунналуг часто стоит там, раскинув руки, и смотрит на море. Куда-то на полночь. И в туман тоже смотрит. А другим туда подниматься запрещено под страхом смерти. Это колдовское место, заговоренное, и даже в отсутствие Гунналуга никто туда не взойдет. Боятся...

За Вереном в овраг двинулись другие лоси и кони. Если лоси проблем не испытывали, то коням крутой спуск давался тяжело. Кони хорошо поднимаются по такому склону, но спускаться не любят. Тем не менее всадники правили именно туда, и послушные животные повиновались, и спуск прошел благополучно. В Ломаном овраге устроиться смогли все и даже смогли растянуться вдоль одной из стен оврага, чтобы случайный взгляд со стороны никого нечаянно

не выхватил. Однако, чтобы случайного взгляда и вовсе избежать, Овсень, по привычке соблюдая осторожность, выставил во все стороны по паре наблюдателей. Если появится что-то, внушающее подозрение, один из наблюдателей побежит докладывать сотнику, а второй продолжит наблюдение. Стрельцы тоже, даже не дожидаясь команды Овсеня, растянулись вдоль всего участка оврага, что заняла сотня, и осматривали небо.

Два ворона появились в небе вскоре, но прилетели совсем с другой стороны, а вовсе не оттуда, откуда недавно слышалось активное карканье. И летели они очень целенаправленно, зная, куда направляются. Херик сотнику показал пальцем.

– От Дома Конунга... Там смотрели, летят докладывать...

– Стрельцы не пропустят...

– Велемир не пропустит... – добавил Извеча.

Стрельцы, в самом деле, наблюдали за птицами, и едва те оказались над оврагом, где их направленный полет вдруг прервался, и вороны начали кружить, высматривая, кто там прячется, как две стрелы сорвались с луков. Эти длинные стрелы не знали промаха, и вороны с тяжелым треском упали в кусты.

– Стрелы заберите... – послал Овсень.

Стрельцы ушли за стрелами и вернулись быстро.

– Овсень, это другие птицы. Эти не исчезают...

– Клювы и когти стальные?

– Да, кованые...

– А где вы видели тех, что исчезают? – спросил заинтересованный Херик.

Заметно было, что его этот вопрос волнует. Пришлось рассказать.

– Неужели и в такую даль Гунналуг добирается? – удивился дварф.

– Посланцы его добирались... – поправил Овсень. – А почему тебя так интересуют исчезающие птицы?

– В наших подземельях несколько месяцев назад появились крысы... Мы крыс не любим и всегда для них ловушки ставим, чтобы не воровали припасы и заразу всякую не приносили. А эти умные, все ловушки обходят. Тогда стали засады ставить, с луками... Застрелишь такую, только взять захочешь – крысы нет, одна стрела остается...

– И стрела в синей крови... – подсказал Извеча.

– Точно... – подтвердил Херик.

– Это значит, что Гунналуг следил за вами... – сообщил Овсень. – Думал, наверное, где-то вас использовать.

– Он готовился захватить семьи землекопов, – предположил дварф. – Крысы появлялись в их домах в Красных скалах. Но, может быть, и другое что-то мыслил. Это все было уже давно, когда подкоп под Дом Конунга и не нужен был. Тогда еще Кьотви был жив. Да-да, значит, Гунналуг что-то другое удумывал...

– Может, что-то против Кьотви имел, – предположил Овсень.

– Да разве сейчас угадаешь...

– Всадники... – подал голос Живан. – Трое... Коней гонят со всей мочи, хлещут без жалости...

– Попросить их остановиться? – поинтересовался уже спустившийся с седла Велемир.

– Осторожнее... Они лошадыми затопчут... – предупредил дварф. – В башню могут гнать только люди из Дома Синего Ворона или люди ярла Торольфа Одноглазого. И те и другие ни с кем считаться не хотят и не видят, когда кого-то растопчут. Недавно затоптали конями нашу женщину с ребенком. Две недели, как похоронили их...

– Я вежливо попрошу, – ответил стрелецкий десятник, вытащил из тула три стрелы и направился к краю оврага.

Велемир наложил одну стрелу на лук, две зажал между пальцами левой руки, как обычно делал, когда стрелял четырьмя стрелами. Выглянул, чуть-чуть подумал, присматриваясь и выжидая приближения всадников, потом поднял лук. Стрелы полетели одна за другой с минимальным интервалом. Дварф, видя такую скорость стрельбы, только языком зацокал и не удержался, подскочил к краю, чтобы выглянуть.

– А где всадники? – не понял Херик. – Коней вижу, а где всадники?

– Лежат... – объяснил десятник просто. – Кони дальше проскакали, а всадники дорогу оседлали... С дороги не упадешь... Оттуда только унести можно...

– Живан... – кивнул сотник.

– Унесу... – согласился Живан и сделал знак своим людям.

Пятеро сразу присоединились к десятнику.

– И лошадей поймайте... – подсказал Извеча. – Чтобы лошади в башню не ушли...

– И лошадей... – повторил Овсень. – Слышите, что мудрый домовушка приказал!

За лошадьми отправилось три всадника. Их лошади легко преодолели подъем и выскочили из оврага. Чужая лошадь может не подпустить постороннего человека пешком. Но всадника подпустит почти всегда. И потому поимка лошадей не составила труда.

– Херику лошадь... – распорядился Извеча.

Дварф вдруг посветлел темным лицом, не веря, что ему могут сделать такой подарок. Может быть, лошадь подземному жителю была и не нужна, тем не менее покрасоваться верховым дварфу хотелось бы.

Вои подвели одну из лошадей, с полной серьезностью выполнив приказ Извечи.

– Стремена подтяните, – продолжал домовушка командовать.

Вои и это выполнили. И отдали повод дварфу.

Херик долго примерялся, как ему поднять ногу, чтобы забраться в седло, потом просто отложил в сторону тяжелый щит и легко сам, без всякой посторонней помощи запрыгнул в седло. И сразу сел плотно, словно там и родился. Вои подали ему щит.

Но Херик щит принял не глядя, сам рассеянно уставившись в сторону, словно что-то пытался услышать. Он действительно слышал, но слышал то, что было недоступно человеческим ушам. Только один Извеча еще мог уловить такой зов, но Извеча не знал языка дварфов. Тем не менее что-то понял:

– Нас уже зовут?..

– Нас уже зовут... – повторил Херик. – Они прорыли проход в подвал. Только... Только там нет твоей жены и дочери...

* * *

Старосты четырех вигов собирались там же, перед каменным очагом в общей комнате. И привычно расселись и разлеглись прямо на полу, подложив под себя олени шкуры. Все они были уважаемыми людьми, но Ангар предпочел не заводить долгий разговор и не собирался расспрашивать гостей о жизни в виках, хотя давно уже не был дома, и спросить должен был хотя бы из простой вежливости. Его сейчас интересовали лишь собственные дела, и он этого не скрывал. И даже умышленно подчеркивал свой интерес только к ним, чтобы сразу провести грань, разделяющую того юного Ангара, которого помнили жители вигов раньше, вежливого и доброжелательного сына конунга, с этим Ангаром – полноценным конунгом. Ангар и припомнить случая не мог, чтобы отец его сам поинтересовался тем, как живут люди в виках. Если им что-то требовалось, они приходили к Кьотви и просили, как о милости. Если что-то требовалось ему, то он с них просто спрашивал. О равноправии речи быть не могло. И Ангар взял на вооружение ту же политику, что старостам с непривычки казалось, может быть, слегка странным. Но длинный меч на боку юноши подтверждал, что он имеет право спрашивать так.

– У нас сложная ситуация. Мы вступили в открытое противостояние не только с ярлом Торольфом Одноглазым, который пытается меня уничтожить, чтобы занять место конунга. Причем пытается сделать это прямо здесь, в доме, который намеревается разграбить и свалить все на дварфов. С этим мы сможем бороться. Сами дварфы нам помогут. Но против нас еще и Дом Синего Ворона, и, возможно, через некоторое время поднимется шведский Дом Еталандов. Удара можно ждать с любой стороны. Торольфу в дополнение ко всему помогает колдун Гунналуг, с чем мы тоже должны считаться. Положение слегка смягчает только то, что Еталанды и поддерживающие их шведские ярлы в настоящий момент идут войной на Дом Синего Ворона, и в это время находится в плавании к дальним берегам их верховный ярл, и Синим Воронам во главе с Гунналугом будет не до нас и не до Одноглазого ярла. Поэтому, пока шведы воюют между собой, нам следует успеть разобраться с ярлом Торольфом. Но и для этого нужны все силы и решительность. Выборы конунга назначены на послезавтра...

– Уже на завтра, конунг... – поправил Хрольф. – Новый день уже наступил.

Ансгар глянул в окно, за которым давно уже было светло.

– Да, я просто оговорился. Выборы уже завтра. К вечеру сегодняшнего дня мне нужны все воины, которых можно собрать по нашим викам. Каждый, кто в состоянии держать оружие, может пригодиться. Повторяю – к вечеру, когда я буду уже расставлять отдельные отряды по местам, а кое-кого, возможно, и отправлю с заданием. А до этого я хотел бы посмотреть, что мы смогли собрать и на кого я могу рассчитывать. Вскоре я вынужден буду сделать одно дело. Для этого мне придется уехать. Вернусь я после обеда. К тому времени в каждом вике должна быть собрана рать. Я приеду посмотреть... Сейчас кто-то может сказать, сколько человек готов выставить?

– Я запретил рыбакам выходить в море. Не до того... У меня семьдесят шесть человек, конунг, – первым доложил большеносый Хрольф. – Все уже готовы выступить, как только ты прикажешь. Каждый ждет команды в доспехах и при оружии. Чтобы не сидели без дела, я приказал пока делать стрелы. Они нам сгодятся...

Недавний строгий голос и окрик, похоже, возымели действие. Староста уже начал понимать, что имеет дело с настоящим конунгом, а не с вежливым наследником, которого следует учить жизни. И разговаривал не как с мальчиком, которого разрешается порой даже пожурить и перед которым можно проявлять собственные чувства, а как с человеком, который не потерпит ослушания. В глазах Ансгара отчетливо читались твердость и воля конунга Кьотви. Меч последнего конунга, видимо, передавал не только силу, но и характер.

– Мы уже обсуждали состав дружин. У всех, я думаю, будет примерно такое же количество воинов, если поставить в строй и молодежь, – сказал другой староста. – Стариков мы считать не будем...

– Если брать молодежь, – добавил Хрольф, – я, кстати, еще два десятка наберу. Когда-то и молодым парням приходит время брать оружие в руки, а сейчас момент очень подходящий, чтобы сделать из мальчишек мужчин.

– Хорошо. Молодежи пора брать оружие в руки. Я сам молод, – согласился Ансгар. – Времени у нас мало, и потому не буду вас задерживать. Все свободны, кроме Хрольфа. Хрольф, узнай, что там с разведкой из Сухого оврага? Я слышал шум во дворе. Наверное, они вернулись...

Старосты молча встали. Все они помнили Ансгара добродушным мальчишкой, с которым можно было поговорить, как нельзя было поговорить с самим конунгом Кьотви, суровым и соблюдающим привилегии титула. Но, вернувшись из последнего плавания, Ансгар стал неузнаваемо другим. Это уже была почти копия Кьотви. По крайней мере, распоряжался он точно так же, как отец – коротко и по существу, и не спрашивая чужого мнения. Юноша стал настоящим конунгом, и старосты это уже понимали. Тем не менее эта метаморфоза ставила их в затруднительное положение. Но от старых привычек уже пора было отказываться. И никто не

проявил желания запросто пообщаться с Ансаром или возразить ему. И, тем более, показать небрежение в деле.

Едва они вышли, встал и сам Ансар.

– Пока ты, Большака, все вино в доме не выпил, нам тоже пора делами заняться. Не то воин из тебя получится...

– У тебя в доме вина не хватит, чтобы я стал пьяным, конунг, – усмехнулся Большака. – Я был пьяным в жизни только однажды, когда мы захватили целое судно с грузом италийского вина. Больше со мной такого не случалось. Но делами заниматься пора с вином или без него. Я вижу, и наши друзья дварфы посматривают на нас косо. Что, Хаствит, пора?

Хаствит кивнул трижды.

– Пора уже... – сказал Истлейв. – Работа внизу вот-вот закончится...

– Сейчас слушаем разведку, – Ансар услышал шаги за дверью, – потом решим, как будем действовать.

Дверь открылась. Староста Хрольф ввел молодого худошавого воина с бородкой, что еще не успела оформиться в настоящую бороду. Тот выглядел слегка растерянно и посматривал то на Ансара, то на Большаку.

– Ты был в Сухом овраге? – спросил конунг.

– Да. Я со своим десятком обошел весь овраг по одному краю, потом по другому. Шли крадучись, чтобы нас не видели. С трудом нашли шведов. Они засели в кустах внизу. Но переговаривались и выдали себя. Там явно устроена засада, но на кого можно устраивать засаду в этом месте, я понять не могу...

– Засада... – повторил конунг в раздумье.

– На дварфов, которые будут возвращаться... – сделал вывод Истлейв.

Хаствит согласно кивнул.

– А кто тогда пойдет в подземелье? – спросил Ансар.

– Надо ждать, когда они пожалуют... – решил Большака. – Если они пожалуют... А пожалуют уже не свеи, а воины Торольфа. Так мне кажется... Я вина вот выпил, и теперь соображать начинаю лучше. И мне дело видится так... Скажи-ка, Истлейв, могут те парни, что проход делают, со своими семьями общаться? Мысленно...

– Они общаются... – сообщил дварф. – Слышно из-за расстояния все же плохо, но отдельные мысли доходят. Особенно, если эмоции сильные. Испуг, например...

– Вот-вот, так я и думал, – продолжил сотник. – Если я правильно понимаю, когда Торольф задумает расправиться с семьями дварфов, они здесь услышат это. Значит, с семьями расправляться будут только после того, как расправятся с землекопами. По крайней мере, после того, как землекопы закончат работу. Потом привезут тела убитых женщин и, может быть, даже детей, чтобы всех потом занести в уже разграбленный дом. Значит, началом всему будет нападение на землекопов. Их тревога передастся семьям, за которыми следят, и это будет командой... После этого следует ждать появления того отряда, который пойдет собственно в дом. Или все начнется одновременно... Истлейв, ты уверен, что в дом снизу войти невозможно?

– Вполне... Выход делается в сторону моря в скале под домом. Те, кто ударит в стену плечами, сорвутся со скалы. Стена умышленно делается тонкая, как бумага.

– Жалко, у меня нет времени посмотреть на такую красивую картину, – пожаловался Большака. – С высоты люди всегда падают красиво. И кричат громко. Но действовать будем так... Я с Истлейвом и с тремя десятками своих людей сейчас отбываем в сторону Красных скал. Истлейв проведет нас через подземелья под рвом. Там мы освобождаем семьи землекопов. Сами землекопы должны будут услышать это.

– Услышат, – подтвердил Истлейв. – Эмоции будут сильными, услышат...

– Вот и хорошо. Конунг в это время со своими людьми и с оставшимися моими семью десятками уничтожает засаду в Сухом овраге, но пропускает целыми и невредимыми тех воинов, что пожелают войти в подземный ход. Дварфы к тому времени должны будут уже выйти, но направятся они не в сторону засады, а в сторону противоположную, и подождут неподалеку. Как только воины углубятся в подземелье, вход следует обрушить. Выход у них будет только один – нырять со скалы в фьорд. Хотя, возможно, они предпочтут умереть от голода под домом. Это дело вкуса, и пусть сами выбирают...

– Нырять придется в острые скалы... – поправил Ансгар. – До фьорда им не допрыгнуть, далековато... Да и у берега тоже сплошные скалы... Там нет песка, и нет глубины, чтобы можно было спрыгнуть в воду. Но пусть и прыгают в скалы. По крайней мере, не будут долго мучиться со сломанными ногами.

– Да, пусть прыгают куда хотят, пусть не прыгают, если не хотят – Один в милости своей предоставил им выбор смерти по собственному усмотрению... Вроде бы я все правильно прочитал? Возражений нет?

Большака оглядел собравшихся.

– Все правильно, – за всех согласился Ансгар. – Забирай Истлейва и поезжай. Мы с Хаствитом попробуем общаться без переводчиков...

Хаствит согласно закивал...

* * *

Сообщение о том, что дварфы не смогли найти Всеведу с Заряной, сначала слегка озадачило сотника, но он тут же вспомнил предупреждение шамана о том, что Гунналуг накрыл пленников какой-то волшебной сетью, делающей их невидимыми, и не стал зря волноваться. Добряна жила одновременно в двух измерениях мира и должна была найти мать без труда. А там уже предстояло решить, что делать с этой сетью. Первоначально сотник предполагал, что и под саму сеть дварфы сделают подкоп, поскольку сеть заброшена сверху, а не снизу, и, следовательно, под сетью можно уйти через каменный пол.

– Едем... У нас есть кому найти их...

– Ехать нельзя, – остановил Овсенья Херик. – Мне тоже хочется свою лошадь испытать, но нельзя... Пойдем пешком, и малым числом... Проход не слишком велик. Лошадь там не пройдет. Кое-где людям придется передвигаться на четвереньках. Но расширили проход специально для вас. Должны везде пройти, хотя местами это будет трудно. Выбирай людей. Чем меньше, тем лучше. Нас не заметят и не услышат. Много людей – много мыслей. А мысли кое-кто умеет слушать. Гунналуг, мы подозреваем, хотя и не уверены, умеет... По крайней мере, так говорят слуги башни. Говорят, что он мысли птиц читает. Хотя в воронах есть капля его крови, и это может быть. Насчет людей я сомневаюсь, тем не менее лучше подстраховаться. Но мы все равно попробуем ваши мысли «выпить» и спутать колдуна.

– Выпить мысли? Как это? – не понял Овсенья.

– Просто. Когда в кувшине есть вода, один пьет ее, другие слышат, как вода течет, и ждут, когда им достанется. Но на всех одного кувшина не хватит. Ваши мысли будут литься, Гунналуг услышит, как они льются, но мы будем выпивать их, и до него они не дойдут. Колдуну не хватит, и он ничего не поймет. И может ваши мысли принять за мысли своих слуг.

Овсенья согласно кивнул, не вдаваясь в подробности, для понятия которых ему потребовались бы годы расспросов, и стал распоряжаться. За себя он, как делал это обычно, оставил надежного и опытного десятника Живана, наказав никого не пропускать по дороге ни в одну, ни в другую сторону и не оставлять без внимания ни одну птицу. С собой взял только Извечу, нагрузив его тем самым мешочком, что Смеян велел передать Всеведе, стрелецкого десятника Велемира и, естественно, Добряну.

– Идти будем быстро... – предупредил дварф.

– Ну так и идем... – Сотник снял с рогов Улича свой топор и играючи, даже с какой-то угрозой еще не оказавшемуся рядом врагу, перебросил из руки в руку. Притороченный к седлу щит брать не стал, хотя Херик со своим невероятно тяжелым щитом не расставался. – Чего ждать...

Херик двинулся первым и сразу удивил людей. Его короткие сильные ноги, оказывается, могли переставляться настолько быстро, что их мелькание почти сливалось в одно непрерывное движение. И Овсень с Велемиром едва успевали за дварфом. Что касается маленького Извечи, то Велемиру пришлось посадить домовушку себе на плечо, иначе тот отстал бы. К удивлению людей, Херик повел их не в сторону башни, а вправо от дороги и долго петлял, чтобы не покинуть прикрытие кустов, хотя это было и бесполезным занятием, потому что высоких людей кусты скрыть все равно не могли, но при этом они имели возможность прикрыться другим способом. Так, дважды в их сторону устремлялось по ворону, с явным желанием рассмотреть, что там внизу шевелится. И стрелецкому десятнику пришлось израсходовать еще две стрелы, чтобы обеспечить скрытность передвижения группы. Наконец, добрались до какой-то горки, состоящей из крупных валунов странной, почти правильной круглой формы.

– Это здесь... – сказал Херик.

– Здесь... – словно из-под земли появился перед ними другой дварф с маскирующим кустиком на черном металлическом шлеме и несколькими еловыми лапами, прикрывающими щит, зазывающе махнул рукой и сам тут же исчез. Значит, и другие дварфы знают славынский язык, сразу отметил Овсень, но разговаривать об этом времени не было.

Проход начинался под одним из валунов. Дварфа, который звал их, рядом уже не оказалось, и непонятно было, куда он пропал, потому что в узкий проход он, как видел сотник, не нырял. Но туда уже нырнул ногами вперед Херик. Овсень последовал за ним, с трудом просунув в отверстие свои широкие плечи, да и то пришлось сначала опустить одну руку, а вторую поднять кверху, иначе протиснуться было невозможно. Остальным было проще, даже Добряне, и лишь у стрелецкого десятника возникли проблемы с длинным луком вместе с налучьем. Лук он очень берег, но лук никак не изгибался там, где мог изогнуться человек, и пришлось просто руками сгрести земляной бугор, чтобы лук протиснуть без лишнего усилия.

И, едва все забрались в проход, как сверху сразу опустился камень, совсем спрятав свет. Оставшийся снаружи дварф замаскировал нору.

Несколько мгновений пришлось даже ползти на четвереньках. Потом Херик сообщил:

– Теперь можно выпрямиться. И даже, думаю, во весь рост. На всякий случай руку поднимайте, чтобы головой не стукнуться.

Пробираться в темноте было сначала непривычно, и даже возникало постоянное ощущение, что вот-вот споткнешься обо что-то или провалишься ногой в ямку. Но дварфы были мастерами своего дела и земляной пол сделали идеально ровным. Споткнуться там было негде. Еще было опасение задеть головой за сам потолок или за какой-то выступ на потолке. Но и здесь создавалось такое ощущение, что землекопы измеряли рост Овсеня и Велемира. Люди поднимали руку, и ладонь едва-едва протискивалась между головой и яловецком шлеме. Но ни разу яловец ни за что не зацепился. Хотя постоянно цеплялись широкие плечи сотника, а кое-где он вообще мог пройти только боком. Тем не менее продвигались они даже в непроглядной темноте достаточно быстро. Непонятно было, видит ли что-то волкодлачка. Но дварф, кажется, видел в темноте ничуть не хуже, чем при дневном свете, и Херику, то и дело уходящему вперед, приходилось время от времени останавливаться, чтобы подождать людей и их сопровождение. Наверное, лучше всех, не считая дварфа, чувствовал себя в подземной галерее Извеча. Ему трудно было достать рукой до потолка, даже если бы он начал со всей силы прыгать, а видел он или, скорее, чувствовал все, что впереди, лучше людей. И потому Извеча переместился на

позицию, следующую за Добряной, впереди которой шел только дварф, и несколько раз тихо предупреждал:

– Дядюшка Овсень, осторожнее, через два твоих шага поворот...

Два шага сотника равнялись шести шагам домовушки.

– Ты, Извеча, что-то видишь? – спросил все-таки Велемир.

– Да. Темноту, – ответил домовушка. – Но я хорошо чувствую сквозняк. И запахи. И потому правильно иду. Все стены тоже по-своему пахнут. Где-то камнем черным, где-то красным, где-то землей, где-то песком или глиной. Два раза попадались камни с запахом человеческой крови, один раз с кровью лося. Эти камни, думаю, сверху приносили.

– Тише... Мы прошли холм насквозь и подходим к башне, – сообщил Херик. – Здесь лучше не разговаривать, у Гунналуга хороший слух. Говорить только по необходимости. И лучше не думать о том, куда и зачем идем... Море вспоминайте... Какие волны, какая пена, какие облака вдали, какие вблизи. Откуда ветер дует и какого он цвета. Колдун не поймет, чьи это мысли, даже если поймает их. За поворотом начнутся ступени. Будем спускаться. Там сыро, не поскользнитесь.

Ступени были шириной в целый шаг, и спуск был достаточно пологим, но через каждые восемь ступеней следовал поворот направо, и таких поворотов было десять. Впечатление складывалось такое, что спускались люди по винтовой лестнице, установленной вокруг какого-то каменного сооружения. Чтобы проверить это, сотник потрогал стену справа от себя. Стена была каменной. Потрогал стену слева – стена оказалась земляной, осыпающейся под пальцами. Значит, дварфы построили какое-то сооружение, напоминающее винтовую лестницу, но лестница эта была не вокруг башни, иначе башня была бы слишком узкой. Да и стена справа была не сложенной из камней, а представляла собой, похоже, сплошную скалу.

Все это Овсень осматривал, ощупывал и отмечал на случай, если вдруг придется побывать здесь без сопровождения дварфов. Мало ли что может случиться. Сотник привык знакомиться с местом, где ему угрожала опасность, и запоминать ориентиры на случай повторного посещения.

За последним поворотом лестницы помещение было более просторным. И здесь кто-то ждал, как почувствовал Овсень, даже совершенно ничего не видя. Просто при близкой опасности все чувства обостряются и воспринимают то, что не воспринимают в обычной жизни.

– Где? – спросил Херик, спрашивал он явно не у тех, кого привел, но умышленно, чтобы они слышали. – Понял... Открывайте...

Впереди ощутилось какое-то движение.

– Сейчас будет светло... – сказал дварф. – Наверху горят светильники из земляного масла⁷.

Тусклый и мерцающий свет пробился сначала только узкой полоской, сразу показав, как два дварфа, стоя на высокой ступени, поднимают над головой и сдвигают каменную плиту. Сотник Овсень оценил физическую силу маленьких землекопов. Нормальному человеку справиться с такой плитой было бы невозможно. Два человека физической силы и комплекции самого сотника, может быть, и справились бы, но с большим трудом. Дварфы же особой тяжести вроде бы и не ощущали. И легко передвинули толстую плиту в сторону. Причем не бросили, а поставили ее на другие плиты почти без звука.

– Это выход в коридор подземелья башни, – сказал Херик. – Там сейчас никого нет. Стража приходила с проверкой час назад. Ночью зайдет сам Гунналуг. Он всегда ходит сюда ночью. Для колдуна ночь – то же самое, что для нормальных людей день. Трудовое время. Так что, у нас еще чуть меньше целого дня есть. Иди первым, мы за тобой...

---

⁷ Земляное масло – нефть.

Но первым Овсень запустил Извечу, уже оказавшегося рядом с дварфами, потом поднял Добряну, которой самой трудно было бы запрыгнуть без разбега, а разбежаться здесь было негде. И только после этого пролез сам. За сотником последовал и стрелецкий десятник, так и не расставшийся со своим луком, хотя стрелять в подземельях было не в кого, да и не видно было, в кого там можно прицелиться.

Наверху была поднята одна из каменных плит, покрывающих пол коридора. Сам коридор был коротким, в двадцать человеческих шагов, и шириной в пять шагов. В обе стороны вели по две двери, пятая дверь была в торце коридора, и перед ней были три высокие ступени. Понятно стало, что эта дверь вела на лестницу, по которой можно подняться в саму башню.

Херик выбрался последним. Два дварфа, что сдвигали плиту, сами подниматься не стали, только высунули головы и что-то тихо сказали на своем наречии. Причем сказали вслух, словно хотели обратить на сказанное внимание русов. Херик перевел:

– Они говорят, что чувствуют чьи-то умышленно подавленные мысли, специально подавленные, чтобы другие их не слышали, но людей не видят. Справа в двух склепах на цепях висят скелеты. Скелеты тоже могут посылать мысли, но их мысли обычно бывают слабыми, а тут идут такие, как от живых людей. Слева склепы свободные. Может, там кто-то невидимый? Засовы и петли на дверях дварфы смазали земляным маслом. Все здесь теперь открывается без скрипа, кроме внешней двери. Но лестницу тоже караулят, и никого сюда не пропустят. Если внезапно двинутся стражники, им устроят на лестнице обвал. Там, кстати, легко сделать полный завал, через который никто не пройдет. Стоит только два камня столкнуть. Нам говорят, смотри в левых склепах...

Но волкодлачка подошла к двери не свободной комнаты, а ближайшей справа, где, как сказали дварфы, к стене прикованы скелеты. И настойчиво поскребла лапой. У этой же двери без сомнения остановился и маленький Извеча, тоже обладающий чувствами более острыми, чем у людей и, может быть, чем у дварфов. И Овсень, шагнув вперед, отодвинул засов именно этой двери. Херик снял со стены светильник и подошел сюда же. И, поскольку люди без света видеть не могли, первым вошел он. Но волкодлачка, опережая дварфа, скользнула вперед. За ней устремился Извеча, и только после этого шагнули за порог Овсень с Велемиром, покосившиеся на скелет, прикованный цепями к ближней стене. Но сразу из самого темного угла послышался легкий шелестящий шум.

– Я знала, что ты придешь, я направляла тебя как могла, – сказал голос Всеведы, которую Овсень не видел. – Но могу я сейчас не много... Только Заряна помогает...

– Я тоже не много могу, – детским голосом сказала Заряна. – Мама учит меня, но я еще ничему не научилась... Здравствуйте все, здравствуй будь, отец, здравствуй будь, сестра, здравствуй будь, Велемир, и ты, Извеча, тоже здравствуй будь, и ты, нелюдь незнакомый...

Добряна тыкалась носом в пустое внешне пространство, но преодолеть его не могла.

– Ты правильно заметила, что мы не люди... – сказал Херик. – Мы нелюди, но это ничего не меняет, хотя помочь порой может. Разговаривать будете потом, сейчас надо срочно выбираться отсюда...

– Мы бы рады, – сказала горько Всеведа. – Только сеть нас не пускает. Она не только делает нас невидимыми, но и сковывает нас не хуже цепей. Гунналуг знал, как нас удержать... В этом деле он мастер.

– Нужно сделать подкоп через пол, – сказал сотник. – Пол, надеюсь, сетью не прикрыт.

– Не надо подкопа. Хи-хи... – без смеха, и даже слегка сердито, сказал Херик. – Никакой Гунналуг не мастер. Он обыкновенный вор. Простая сеть... Мастера-дварфы такие делают десятками каждый год. Мы ими закрывает проходы в жилых подземельях, чтобы не вошли чужие. Сейчас открою вас...

Херик поставил светильник на пол, наклонился над углом склепа, сложил руки на груди крест-накрест и долго смотрел перед собой. Наверное, он читал какое-то заклинание, но, как все dwarфы, читал и посылал его мысленно. Длилось это не слишком долго.

– Вставайте, снимайте сеть dwarфов... Она свободна...

Сеть стала подниматься. И при неровном свете слабого светильника показались сначала ноги, потом пояс, потом и полностью две человеческие фигуры. Высокая Всеведа и едва достигающая макушкой ее плеча Заряна. Овсень шагнул вперед и привлек к себе жену с дочерью. Тут же тыкалась носом и волкодлачка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.